

НОВА РЕН СЯМА

ПОТЕРЯННЫХ

НИКТО НЕ ИСЧЕЗАЕТ ПРОСТО ТАК...

Нова Рен Сума
17 потерянных

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сума Н.

17 потерянных / Н. Сума — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-04-092381-6

У Лорен Вудман необычный талант – видеть пропавших людей. Их образы настигают ее неожиданно и остаются в памяти навсегда. Когда она впервые заметила на столбе возле дороги потрепанное объявление с надписью: «ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК», то сразу поняла – беспокойство, что не давало ей жить последние дни, было вызвано им. Имя пропавшей Эбби Синклер, ей семнадцать лет. По загадочным причинам она покинула летний лагерь после отбоя и больше не возвращалась. Лорен чувствует: она обязана помочь Эбби и узнать, что произошло с ней на самом деле. Но есть одна загвоздка – окружающие уже давно решили, что шансов на это нет.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-092381-6

© Сума Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1	7
2	9
3	13
4	15
5	17
6	20
7	24
8	25
9	29
10	31
11	34
12	36
13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Нова Рен Сума

17 потерянных

Nova Ren Suma
17 & GONE

© Солнцева О., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Моей маме, которая помогла столь многим

И Эрику, который нашел меня, когда мне было восемнадцать

Девушки пропадают каждый день. Они выбираются из окон спален и проскальзывают в какие-то странные машины. Оставляют прощальные записки или же не имеют возможности сделать это. Пересекают границы. Ловят попутки, сидят, сжавшись, на переполненных задних сиденьях на чьих-то услужливых коленях. Сворачиваются в клубочки и принимают полусогнутое положение или же встают в полный рост с победными криками в автомобилях с откидывающимся верхом. Девушки строят планы уехать, но, бывает, уезжают, не имея такого намерения, и иногда люди путают одно с другим. Некоторые девушки брыкаются, и визжат, и выцарапывают глаза тем, кто не позволяет им остаться. И есть девушки, которые не добираются туда, куда едут. Они исчезают. Неизвестно, чем они кончают, никто не знает их историй. Девушки пропадают, и я единственная, кто видел их.

Я знаю их имена. Знаю, где их настигает конец – в месте, кажущемся столь же бесформенным и бездонным, как старый колодец в заброшенных владениях за пределами Холлоу-Миллроуд, поглощающий городских собак.

Я хочу рассказать всем об этих девушках, о том, что происходит с ними, хочу предупредить, хочу, чтобы их начали искать. Я тоже буду искать их, если буду знать, что кто-нибудь да поверит мне.

Есть такие девушки, как Эбби, которые уехали в ночь. И девушки, подобные Шьянн, – они убегают от своих мучителей и продолжают бежать. Девушки, подобные Мэдисон, садятся в автобус, идущий в город, с номером телефона в кармане и сиянием звезд в глазах. Девушки вроде Элизабет садятся в чужие машины, даже если понимают, что делать этого нельзя. Таких девушек, как Трина, искать не будут, о них никогда не узнает полиция, потому что никто не станет заявлять о том, что они пропали.

Сегодня может пропасть еще одна девушка. Она натянет на лицо шарф, чтобы защититься от холода, и примется шарить в кармане ключи от машины, чтобы они были наготове, когда она подойдет к ней на тесной автостоянке. Быстро проходя мимо близлежащего ресторана, она заглянет в его яркие, сверкающие окна. А затем, когда она пропадет из поля зрения прохожих, ее схватят руки-тени, и она исчезнет с тротуара. От нее останется один-единственный след – шерстяной шарф в полоску, оброненный на черное ледяное пятно, его переедет мчащаяся машина, утащив за собой на колесах с зимней резиной, и тогда не останется и шарфа.

Я могу быть не права.

Скажите, что я не права.

Скажите, что не было никаких рук.

Потому что иногда я верю в то, что могу смотреть на какую-нибудь девушку – скажем, на девушку из читального зала, старающуюся продрасться сквозь задание по тригонометрии и лихорадочно рисующую на полях каракули, потому что она ненавидит математику, а потом на секунду отворачиваюсь. А когда хочу снова обратить на нее свой взгляд, оказывается, на стуле, где она сидела, никого нет, а тригонометрическая задача растворилась в воздухе. И все дело в том, что я никогда больше не увижу эту девушку. Она пропала.

Мне кажется, что все проще некуда. Ни борьбы, ни возможности остановить время – в эту секунду она здесь, в следующую – ее нет. Так обстояло дело с Эбби – и с Шьянн, и с Мэдисон, с Элизабет, Триной и другими. И я не сомневаюсь, что так будет и со мной.

ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК

ЭБИГЕЙЛ СИНКЛЕР

КАТЕГОРИЯ ДЕЛА: Побег, возможна угроза для жизни

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 20 июня 1995 года

ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ: 2 сентября 2012 года

ВОЗРАСТ: 17 лет

ПОЛ: Женский

РАСА: Белая европеоидная

ВОЛОСЫ: Темно-русые

ГЛАЗА: Карие

РОСТ: 5 футов 7 дюймов (1 м 74 см)

ВЕС: 120 фунтов (54 кг)

ПРОПАЛА ИЗ: Орэндж-Терраса, штат Нью-Джерси, США

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ: Сообщается, что Эбигейл, которую чаще называют сокращенным именем Эбби, пропала 2 сентября, но в последний раз ее видели 29 или 30 июля на территории летнего лагеря для девушек «Леди-оф-Пайнз» в районе Пайнклиффа, штат Нью-Йорк. Она выехала с территории лагеря на синем велосипеде фирмы «Швинн» после отбоя в девять часов вечера. На ней могли быть красные шорты и майка вожатой лагеря. Особая примета: проколот нос. Ее семья утверждает, что она не вернулась в Нью-Джерси.

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ КАКАЯ-ЛИБО ИНФОРМАЦИЯ О НЕЙ, ПОЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Отделение полиции Пайнклиффа (Нью-Йорк) 1-845-555-1100

Отделение полиции Орэндж-Терраса (Нью-Джерси) 1-609-555-6638

1

Ее имя Эбигейл Синклер, у нее темно-русые волосы, карие глаза, ей семнадцать лет, живет в Нью-Джерси, – но я зову ее Эбби. Я нашла ее на обочине дороги, в разгар зимы, спустя несколько месяцев после того, как она пропала.

История Эбби началась в сосновых борах, окружающих мой родной город. Вслед за летом пришла осень, жара спала, и никто ничего по-прежнему не знал о ней. Мир снов был совсем близко от земли, на уровне облаков, но их дымно-серые легкие словно скукожились от болезни, и никто не поднимал глаз, чтобы взглянуть вверх. Выпал снег, ошестившиеся деревья дрожали на ветру, стараясь поделиться своими секретами, но никто не удосуживался выслушать их. Пока этого не сделала я.

Я была вынуждена остановиться. Мой старый фургон заставил меня сделать это: будто кто-то покопался в его моторе, в расчете на то, что он все равно дотянет по подъездной дорожке до главного отрезка пути, до того места, где перешептываются между собой сосны, и там заглохнет, и я застряну на середине, не добравшись до цели.

Я ездила по этой дороге практически каждый день: в школу и в «Шоп эн Сейв» – супермаркет на окраине Пайнклиффа, где расставляла товары на полках и работала на кассе по субботам и раза два на неделе днем. И, ничего не зная, проезжала то место, где старая автомагистраль встречается с шоссе 11, сотни раз. Не замечая ее там.

Увидела я ее через несколько минут после того, как заглох мотор моей машины – словно с крутой насыпи в нашем железнодорожном городе тем утром в середине декабря сошел туман.

Эбби Синклер. Там, на перекрестке. Нет, она не стояла, выставив вперед большой палец правой руки, ее волосы не трепал ветер, а голые колени не были багровыми от холода – все началось не так. Впервые я увидела Эбби на фотографии: ее школьной фотографии, наклеенной на телефонный столб.

Когда загорелся зеленый свет и машины пришли в движение, я осталась стоять на месте. Я сделала это, потому что увидела висевшее через дорогу потрепанное непогодой объявление, на котором был запечатлен черно-белый образ Эбби – у нее надо лбом жирным шрифтом было напечатано всего два слова: ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК.

Помню, как сквозь пелену, что машины гудели и пытались объехать мой фургон, некоторые водители осыпали меня проклятьями, если им это удавалось. Помню, что не могла сдвинуться с места. Мотор фургона не заводился, а мое тело, руки и ноги были словно скованы. Зеленый свет сменился желтым – тот помигал-помигал, а потом зажегся красный. Я узнала об этом только потому, что увидела танцующие отблески светофора на руле, который крепко сжимала обеими руками, и мои костяшки – зеленые, затем желтые – снова становились красными.

Впереди меня, рядом с развилкой старой магистрали, кучка сосен всю сражалась со злым ледяным ветром. Деревья пригнулись к земле из-за падавшего много недель снега, но, не в силах оставаться неподвижными, качали стволами и ветками. Земля между ними и дорогой была белой и нетронутой, не замаранной ни единым следом. Посреди них стоял столб, а на нем, как на голой стене галереи, проступало лицо пропавшей девушки.

Я распахнула дверцу фургона, оставила ключи в замке зажигания, рюкзак на переднем сиденье и побежала к соснам. Какой-то грузовик резко затормозил; пронзительно засигналил. Машина чуть было не мазнула меня колесами, но я поменяла направление и успела увернуться от бампера. С трудом сообразила, что прямо позади меня остановилась желтая громадина – школьный автобус, на каком я ездила до того, как получила права и накопила на старый фургон, – но в тот самый момент я всеми силами стремилась к столбу.

Желая приблизиться к нему, я рванула по глубокому снегу. Объявление было старым. В последний раз девушку видели уже очень давно. Это была не первая копия ее фотографии,

и с каждым новым отпечатком детали искажались все сильнее, так что лицо на выцветшем и заляпанном снегом листке можно было принять за чье угодно, за любую девушку.

Я хочу сказать, что она вполне могла не иметь ко мне никакого отношения. И у меня было полное право оставить ее в тот холодный день пригвожденной к столбу и никогда больше в жизни не вспоминать о ней.

Но при этом я почему-то чувствовала, что она не одна из многих незнакомых мне девушек. В голове что-то брезжило, казалось, я вот-вот ее узнаю, и потому даже не ощущала холода. Прежде подобное чувство было мне незнакомо. И я знала – мне предназначено найти ее.

Объявление содержало одни только факты. Ей было семнадцать. Мне исполнилось столько же неделю назад. Она пропала из какого-то летнего лагеря, о котором я никогда не слышала, хотя он находился поблизости, в районе Пайнклиффа, рядом с тем местом, что смотрело на холодный серый Гудзон с крутого холма, на котором расположен наш город. Летний поезд, идущий вдоль реки, останавливается здесь почти каждый час днем и проносится мимо ночью. Летний лагерь наверняка был где-то рядом.

Я сорвала страницу со столба, отодрав скотч, на котором она держалась и который был обернут вокруг столба несколько раз – чтобы не дать девушке упасть лицом в снег или же быть унесенной потоком выхлопных газов и пропасть в потоке машин, направляющихся к магистрали. Именно эта прозрачная лента уберегала объявление от полного уничтожения на протяжении нескольких месяцев, но благодаря ей было также практически невозможно сорвать его со столба.

Когда я снова пересекла перекресток – машины гудели еще сильнее – и добралась до своего фургона, то увидела, что Добрый Самаритянин (или же какой-то урод, маскирующийся под Доброго Самаритянина) остановился рядом со мной на обочине, чтобы предложить свою помощь. С двигателем машины было явно что-то не в порядке – возможно, пришел в негодность вентиляционный ремень, и струя серого дыма ударяла этому уроду в лицо, а потом поднималась вверх, и негодующее небо готовилось в ответ разразиться новым снегопадом. Потом приехал эвакуатор, оказавшийся слишком дорогим для меня, и я целый час просидела на грязном складном стуле в глубине гаража, потому что ждать на улице было слишком холодно. И только после того как мой фургон починили и я с опозданием поехала в школу, я смогла улучить момент, чтобы в одиночестве повнимательнее рассмотреть листок.

Я ничего не рассказала об этом Джеми, или Дине, или кому-либо еще. Не хотела никому рассказывать. Это было мое открытие, и я хотела оставить его при себе.

Сердце мое билось неровно – почти так оно бьется и сейчас. Словно дополнительный глухой удар вклинивался в обычный ритм, и я начинала думать, что в фургоне бьются два сердца.

Так оно и было – но сначала я этого не знала. Все это произошло еще до того, как я поняла, что *она* едет вместе со мной.

2

Я припарковалась на стоянке для выпускников, хотя выпускницей не была, выключила мотор и сидела в фургоне с ним в руках. С объявлением. Его бумага была такой же холодной, как и мои пальцы, так что я ничего не чувствовала.

Я постаралась разглядеть бумагу, пристроив ее на руль – ликвидировать, насколько это было возможно, разрывы и помятости на ее лице, чтобы изучить сведения о ней.

«Побег, возможна угроза для жизни» – так они обрисовали суть дела. И когда я прочитала о том, что она в опасности, в меня занозой вошел страх. Но теперь я знаю, что так пишут обо всех подростках, не достигших восемнадцати лет. Если в объявлении о вашем исчезновении не указано: «Побег, возможна угроза для жизни», то у вас точно проблемы. Но никто никогда не напишет: «Вероятно, с ней все в порядке, но мы должны удостовериться в этом в соответствии с законом». Так или иначе, но вы пребываете в опасности.

Эбби *была* в опасности. Я чувствовала это.

Я снова сосредоточилась на объявлении, стараясь запомнить место ее рождения, цвет волос, глаз, вес и рост. Я поняла, что она исчезла задолго до того, как об этом сообщили, и не знала почему. Я прочитала, что у нее проколот нос. Но там не было ни слова о ее привычке писать имя симпатичного ей мальчика на внутренней стороне локтя, а затем плевать на него и стирать до тех пор, пока рука не становилась чистой. Этой информации в объявлении не было, это она сама рассказала мне.

Я могла бы сложить объявление, убрать его в карман и войти в здание школы. И тогда все пошло бы иначе, но именно в тот момент я увидела свет.

В фургоне имелся прикуриватель, встроенный в приборную панель – кнопка рядом с магнитолой, на которую можно было нажать, чтобы она нагрелась. Какое-то время она светится оранжевым светом, а когда нагревается до предела, то выключается. Сама собой. Фургон был у меня вот уже два месяца, но прикуривателем я никогда не пользовалась.

Сейчас кнопка была вжата в панель. И к пламенно-оранжевому кольцу тянулась чья-то рука с сигаретой. Сигарета-фантом и рука-фантом, потому что в фургоне я была одна. Я была одна?

Я сказала себе, что, должно быть, нечаянно включила прикуриватель, когда парковалась. Или же его заело при починке машины. Он уже был включен, заверила я себя; включен все это время.

Я обвела взглядом безлюдную парковку – белое пространство рядом со школой. Все было тихо.

И в этот момент что-то мелькнуло снаружи, какое-то размытое пятно: казалось, кто-то бежал по территории школы. Кто-то в красном.

В висках у меня застучало, я закрыла глаза. Объявление выскользнуло у меня из рук и упало на пол. Перед глазами, туманя взгляд, появились звезды, слившиеся затем воедино. Я поняла, что это поблескивает циркониевое колечко в ее левой ноздре.

Открыв глаза, я увидела ее в зеркале заднего вида. Она была яркой и ослепляющей, как солнечное пятно, но потом мои глаза привыкли к ее сиянию, а может, жар ослаб настолько, что я могла ясно видеть.

Она села на второй ряд – на откидное место. Я за целую неделю не удосужилась убрать его, словно ожидала, что она присоединится ко мне. Сиденье располагалось сразу за моим, но я не стала оборачиваться. Могу объяснить это тем, что не хотела делать каких-либо неожиданных телодвижений, не хотела пугать ее, но по правде говоря, просто была не в состоянии сделать это. Мое тело совершенно меня не слушалось.

В зеркале заднего вида показались ее глаза. И поникшие плечи. Голые коленки прижаты к подбородку. На ногах пурпурные ссадины, словно она ползла по асфальтовой автостоянке, к моему черному фургону, лавируя между машинами.

Это была Эбигейл Синклер с объявления о пропавшей девушке. Я почувствовала ее запах – резкий и жженный, словно горел пучок волос.

Она выпрямила руки и опустила колени, и я увидела на ее майке название летнего лагеря, а также рисунок: женщина с лицом, закрытым вуалью, поднимается над тремя соснами, будто ее куда-то уносит. Одежда была грязной, и слово ВОЖАТАЯ можно было разобрать с трудом. Кроме того, на ней были шорты. Красные с белыми полосками по бокам. В тот день она выступала за команду лагеря в каких-то спортивных состязаниях – я узнала об этом позже.

Она позволила мне увидеть, в чем была в вечер своего исчезновения, но уже тогда я знала, что дело не в том, во что она одета. Совершенно неважно, в чем она уехала из лагеря – в этих или в других шортах, более длинных или не таких красных. Или в купальнике. Или в костюме медведя. В короткой юбке. В парандже.

Я так многого о ней не знала.

– Эбигейл? – спросила я, получилось, что шепотом.

И без какого-либо предупреждения мое зрение вдруг стало иным. Очень скоро я уже смотрела сквозь слои дыма, а потом сквозь еле заметную завесу на то, что она сама видела тем вечером, когда исчезла. Впрочем, это было скорее не видением, а знанием. Мне не надо было ни о чем спрашивать – я была твердо уверена в увиденном, как, например, в том, что у меня на руке пять пальцев.

А узнала я следующее.

Ей не нравилось, когда ее называли Эбигейл. И я больше не делала этого.

Она действительно уехала на велосипеде, хотя он был зеленым, а не синим, как сообщалось. Что я увидела – что она хотела, чтобы я увидела, – так это череду образов в зеркале заднего вида, любительский фильм, крутившийся в пустом кинотеатре для меня и только для меня.

Вот она едет в темноте на ярком зеленом велосипеде. Налетает порыв ветра, она распускает свои длинные волосы, и они буквально летят за ней. Велосипед ржавый и старый, она взяла его в лагере из-под навеса, где стоят велосипеды вожатых; дорога пустынна, машин на ней нет; это был приятный, благоуханный летний вечер.

Таковы последние кадры фильма. Она задержала на них свой взгляд, и я поступила так же, деля воспоминания об увиденном между нами, как нечто сладкое, слизываемое с одной ложки на двоих.

Я смотрела. Светоотражатель, укрепленный на заднем крыле велосипеда, становился виден все хуже по мере того, как она углублялась в темноту. Смотрела, как она работает педалями – сначала быстро, а затем медленнее, потому что начался спуск с холма. Смотрела, как, на секунду вскинув руки, она наслаждается скоростью и опасностью, а затем опускает их и продолжает свой путь. Я смотрела, как она едет.

А затем я потеряла ее из виду. Велосипед исчез, но на дороге все было спокойно. Я наклонилась вперед, чтобы разглядеть что-нибудь еще, но тут зеркало потемнело, и я услышала, что кто-то стучит в окно моего фургона.

Я поворачивала шею до тех пор, пока не оказалась лицом к лицу с незванным гостем.

Это был мистер Флорис, учитель биологии в девятом и десятом классах и тюремный надзиратель в своих темных мечтах и тайных фантазиях. Все знали, что в свободное время он любит прочесывать территорию школы, страстно выискивая, кого бы оставить после уроков. И хотя не было ничего удивительного в том, что он оказался на автостоянке в ожидании проспавших и прогуливающих учеников, все же, попавшись, я испытала шок. Я совсем забыла, где нахожусь.

Он постучал костяшками по стеклу, затем опустил красный шарф, которым обмотал лицо, чтобы не замерзнуть. Когда его рот оказался на свободе, я увидела, как потрескавшиеся губы выговаривают под усами: *Вы. Немедленно откройте окно, юная леди!*

Между нами было всего-навсего стекло, но я не слышала его. Не слышала ничего, кроме далекого шуршания по дороге двух велосипедных шин. Он снова заколотил в окно, и я наконец очнулась и опустила стекло со словами:

– Простите, мистер Флорис. Я вас не заметила.

Одновременно я посмотрела в зеркало заднего вида – мне нужно было знать, со мной ли она. Может, скрючилась в темноте позади водительского сиденья? Но мне помешало отражение бледной девушки, вновь протирающей глаза, что было плохо. На ее щеках виднелись сероватые потеки туши для ресниц, словно она укрылась у себя в фургоне, чтобы поплакать. Это было не так. Я не плакала уже много лет.

На голове у меня красовалась пухлая шерстяная шапка, которую моя подруга Дина стащила в молле, но она ей не подошла и потому стала моей. Шапка была низко надвинута на брови, и моих ушей не было видно. Не было видно и заднего сиденья, на котором все еще могла сидеть Эбби.

– Мисс Вудмен, – провозгласил мистер Флорис. – Вы в курсе, что уже начался третий урок и вы должны быть в классе? Выбирайтесь из машины и идите со мной, или же мне придется сделать в журнале соответствующую запись.

Со мной такого раньше не случалось. Ведь я еще не начала прогуливать уроки, и в моем «личном деле» не было записи о том, что я буду «жалеть о своем поведении всю оставшуюся жизнь». Я еще не разбилась на множество мелких осколков – в каком состоянии пребываю до сих пор.

Все равно я не вышла из фургона.

– Но... – сказала я и замолчала в ожидании.

Разве он не видит?

Я думала, он наконец-то заметит, что я не одна. Мистер Флорис стоял достаточно близко к машине, чтобы разглядеть откидное место и сидящую на нем девушку. Ну... девушку-призрак, прячущую лицо за волосами. Разве ее здесь не было – чумазой, с разбитыми коленками?

Я по-прежнему чувствовала ее запах. Чувствовала ее дыхание – мы с ней дышали одним и тем же воздухом, хотя умом я понимала, что это невозможно.

Но глаза мистера Флориса остановились совсем на другом – на прикуривателе, выскользившем из приборной доски с громким характерным хлопком.

– Вот оно, оказывается, как, Лорен. Выходи. Сейчас же. Я запишу тебя.

Он ничего не видел – был слеп к таким вещам. Он не видел ее. Спустя несколько секунд, открыв дверцу, он вытащил меня на ледяную дорогу. Я успела взглянуть на Эбби только раз, когда наклонилась, чтобы подобрать с пола объявление.

Я обратила внимание на то, что в ее длинных волосах запутались листья, сосновые иголки, и веточки, и кусочки смолы. Одна разбитая коленка кровоточила – кровь стекала по ноге до самых пальцев. На ней был только один шлепанец. Другой потерялся неведомо где.

Я знала, что она упала с велосипеда; я видела, как это случилось – в ночной темноте она не разглядела камень, попавший ей под колесо, и утратила равновесие. Но села она на велосипед снова или что-то остановило ее? Что или кого она встретила у подножия того холма?

Она ничего мне не сказала. Да и не могла сказать в его присутствии.

Я вышла из фургона, заперла дверцу и пошла за мистером Флорисом к зданию администрации, где меня должны были обязать в течение нескольких дней оставаться в школе после уроков. Но я оглянулась. Ничто теперь не могло удержать меня от того, чтобы оглядываться на нее.

* * *

Так меня в первый раз посетила Эбби, встретившаяся со своей судьбой неподалеку от летнего лагеря для девочек «Леди-оф-Пайнз». Теперь я знаю о ней намного больше.

Она Эбигейл Синклер из Орэндж-Терраса, штат Нью-Джерси. Но Эбигейл она только для бабушки с дедушкой и классного руководителя. Для всех остальных она Эбби.

Эбби с маленьким пирсингом в носу, он кажется сверкающей звездочкой, упавшей ей на лицо с неба; звездочкой, которая всегда с ней, куда бы она ни пошла, ночью или днем. Эбби, которая грызет ногти, но только на больших пальцах. Никогда не носит юбок. Боится клоунов и вовсе не шутит, когда признается в этом. Не расстраивается, если идет дождь. Она играла на флейте три месяца, а потом бросила это дело. Эбби – твердая троечница. Все еще девственница, если настаивать на строгом определении этого слова. Умеет отбивать чечетку. А свистеть, несмотря на все свои старания, так и не научилась. Эбби нравится Люк – а может, она даже любит его.

Эбби с темно-русыми волосами, карими глазами, 129 фунтов, пять футов и семь дюймов, на правом колене небольшой шрам – ударилась о ступеньку, когда ей было пять лет.

Эбби: 17 лет. Пропала, как сообщили, 2 сентября, но исчезла задолго до того, летом. И никто не отправился ее искать.

Пропала.

3

Не помню, как я прожила тот день, когда нашла Эбби.

В памяти у меня остались лишь смутные незначительные образы, затмившие вещи более существенные. Я помню приказ о наказании меня после уроков за то, что сбежала из школы и курила на автостоянке – лист бумаги, надорванный с одного края, будто кто-то умудрился вцепиться в мой приговор зубами, – но не помню самого наказания. Не помню, что происходило на уроках, что я учила, если вообще учила. Не помню обед с Диной, запомнила, какую еду ставила на поднос, а затем отправляла в рот. Какие планы она строила на празднование своего восемнадцатилетия – только о нем она могла думать и говорить, хотя до него оставалось еще немало недель. Не помню, о чем мы еще разговаривали.

В какой-то момент у моего шкафчика в школе возник Джеми Росси, мой бойфренд, спрашивающий, что случилось, почему я опоздала. Я помню об этом потому, что тогда впервые что-то утаила от него.

– С мотором неполадки, – услышала я свой голос. – И все дела. – Я не стала рассказывать о девушке, примотанной скотчем к телефонному столбу. О девушке, прячущейся в глубине моего фургона. Ведь еще существовала вероятность того, что я все это выдумала. Что я выдумала ее.

Помню стоп-кадр с Джеми. Капюшон толстовки надет на голову, из-под него на лоб выбиваются темные кудри – ему снова нужно подстричься, как практически и всегда. План становится крупнее. Глаза у него закрыты, и я снова удивляюсь тому, какие длинные у него ресницы. И вот его губы готовы встретиться с моими. Вижу щетину, но только на подбородке, потому что он не может отрастить полноценную бороду, хотя мечтает об этом. Не знаю, о чем он думает – и верит ли мне – потому что его глаза закрыты. Впрочем, с Джеми никогда ничего не угадаешь. Он парень и привык все держать в себе.

Затем лицо Джеми уплывает прочь. Я, должно быть, ответила на его поцелуй. А может, нас застучал кто-то из учителей и нам пришлось остановиться. Но ничего такого я не помню.

Я будто оказалась за пределами себя самой – стояла рядом с магистралью, ведущей в Пайнклиффскую центральную школу, и в то же самое время какая-то моя тень делала уроки, целовала бойфренда, отзывалась на мое имя.

Я не могла избавиться от мыслей об Эбби.

Во время перемены я порыскала в интернете с одного из библиотечных компьютеров и нашла сведения об Эбигейл Синклер из Нью-Джерси в базе данных о пропавших людях. Объявление на телефонном столбе, конечно, устарело на несколько месяцев, но ее по-прежнему не было дома. Ей по-прежнему было семнадцать. Она по-прежнему считалась пропавшей.

В интернете была также посвященная ей страничка, созданная, должно быть, ее родственниками и друзьями, где каждый желающий мог написать что-либо:

ЭББИ! ЕСЛИ ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТО! Вернись домой! Мы скучаем по тебе.

.....

Эбигейл, это твоя кухня Тринити. Ты не представляешь, как волнуются бабушка с дедушкой. Где ты???? Позвони мне, если читаешь это. Мы просто хотим знать, что с тобой все в порядке!

.....

Дорогая Эбби, я никогда не видела тебя, но каждый вечер молюсь о тебе

.....

Эб, мы скучаем <3

.....

люблю тебя девочка приезжай домой!!!!

Я просматривала все эти адресованные Эбби письма от людей, большинство из которых она никогда не видела, письма, которые она, как я понимала, не читала, и внезапно почувствовала: у меня за спиной кто-то стоит и пытается улучшить момент, чтобы обратиться ко мне.

Повернувшись на стуле, я заметила, что взгляд какой-то девушки оторвался от экрана моего компьютера и обратился на меня. Сначала я не поняла, кто она, но взглядевшись в ее лицо, узнала девятиклассницу, которую уже пару раз видела в школе. Я была твердо уверена в том, что она дышит и, вне всякого сомнения, жива. Эта девушка не пропадала; она стояла передо мной. И я хотела от нее лишь одного – чтобы она ушла.

– Привет, Лорен, – сказала она, – а мы видели тебя утром. Ты... э... в порядке?

– Вы меня видели? Где? – Меня обеспокоила мысль о том, что за мной наблюдали, когда я сидела в фургоне.

– До школы. Ты перебежала дорогу. На тебя чуть не налетел наш автобус! Мы все тебя видели и кричали тебе в окно. – Она помолчала. – Ты слышала нас?

Я отрицательно помотала головой. Она словно повернула время вспять, и меня пронзил холод – я будто снова оказалась на ветреной магистрали под заснеженными соснами. Я задрожала.

– Мы все закричали: «Эй, что происходит? Почему мы остановились?», а водитель нам: «Э, да там на дороге девушка». А я: «Я ее знаю, это Лорен Вудмен! Из нашей школы!» Ну мы же обычно ездили с тобой в одном автобусе, и...

– У меня сломался фургон, – сказала я, чтобы заткнуть ее. Я уже покинула страничку Эбби и вошла в каталог библиотеки. Но объявление – грязное помятое объявление с лицом Эбби – лежало у меня на коленях под столом, и приподняв ноги, я взяла его и свернула в плотную трубочку.

– Да, но ты бежала через дорогу. Мы тебя видели...

Это была миниатюрная девушка со смуглой, теплой на вид кожей и темными волосами, и она казалась вполне безобидной и искренне сочувствующей, но я больше не могла ее слушать. Мое внимание привлекло какое-то движение за окном: не неожиданный снегопад, но красная вспышка. Рука без перчатки, оставляющая на стекле грязные следы.

Эбби покинула мой фургон и подошла к школе, но не смогла войти внутрь. На ней летняя одежда, хотя все вокруг засыпано декабрьским снегом. Лицо грязное, в длинных волосах запутались ягоды ежевики, веточки, листья и другой непонятный мусор, слегка мерцающий через стекло. Затравленный взгляд свидетельствует о том, что она видит что-то, чего не вижу я, что-то нехорошее.

Рука, протянутая к стеклу, выставленная вперед ладонь, пять пальцев врасстычку предупредили меня о многом: я ничего не должна рассказывать о ней, если меня спросят, – ни этой девятикласснице, никому. Поняла я также, что она чего-то хотела от меня, чего-то необходимого ей, и дать ей это могла только я.

Помогите. Эбби Синклер нуждается в помощи.

– Куда ты смотришь? – спросила девушка. Она проследила за моим взглядом и сказала: «О...», и мое сердце ухнуло вниз, мне захотелось загородить окно своим телом. Но тут она добавила: – Какой ужас. Окно придется мыть, оно такое грязное. – Она снова посмотрела на меня и пожала плечами.

Она не могла видеть Эбби, но видела то, что оставалось после нее: отпечаток руки, но не саму руку.

4

Той ночью мне приснился сон.

Во сне был дом, создающий впечатление некоего реального места. Узкое строение из кирпича. Пустое. Четыре его этажа исчезают в туманном небе, где притаилось множество теней. Сломанные металлические ворота. Скрипучие, готовые обрушиться под ногами ступеньки, ведущие к темной парадной двери.

Сон начинался с того, что я стою на улице, но я знаю, что подобной улицы во всамделишном мире не существует. Она не является частью города, большого или маленького. Тротуар начинается и кончается в словно слегка колючей темноте. Все, что я могу сделать, – это войти в дом. И я вхожу в него. Хотя окна заколочены досками и дом обволакивает покров тишины, выползающей из щелей и выбоин в кирпичных стенах, и меня от этого подташнивает, я поднимаю руку, чтобы попробовать позвонить. Звонок весь проржавел и сгнил, и когда я нажимаю на кнопку, палец проваливается во что-то мягкое и влажное, словно в открытую мокрую рану.

Отдергиваю руку и пытаюсь толкнуть дверь. Она поддается. Несколько шагов вперед, и я оказываюсь в полной темноте. Я не осознаю, что стою в холле под свисающим с потолка скелетом некогда роскошной люстры. Я не знаю, что надо мной, или рядом со мной, или же у меня под ногами.

Но чувствую какой-то запах: сильный запах дыма. От него у меня першит в горле, глаза слезятся. Не могу понять, откуда он доносится – от чего-то поблизости или вдалеке. Он просто присутствует в воздухе, будто горячее дыхание.

Мне следовало бы испугаться, убежать, даже если придется кончить жизнь на мостовой рядом. Но я стою, замерев на месте. Вокруг темно, так темно, что я не вижу собственной поднесенной к лицу руки; и так тихо, что кажется, кто-то прячется среди теней, следящих за каждым моим шагом. Я чувствую, что должна остаться.

Скоро я изучу этот дом во сне так же хорошо, как дом, в котором живу со своей мамой, – небольшой флигелек, который мы снимаем у Берков, живущих по другую сторону изгороди, – со всеми его необязательными шкафами и набитыми комодами, скрипучими ступеньками и плохо закрывающимися дверьми. Но в ту ночь, мою первую ночь в нем, я не могу знать, что найду там. Или кого.

Дым становится гуще, мои легкие наполняет тяжелый горячий воздух, и я начинаю думать, что мне грозит опасность. Что я могу умереть. Но на самом-то деле – нет. Это был не такой сон.

Скоро я начинаю понимать, что сон не об умирании – он о жизни. Вечной жизни. Дом – это место, где вас могут помнить, даже навещать. Он станет вашим, когда вы потеряете свой. Если вы убежите. Если направите велосипед не по той темной дороге.

Тут в конечном счете оказываются все девушки.

Я приду сюда в другие вечера и замечу узоры на обоях во всех комнатах. Прорехи в обоях, почерневшие впадины там, где гниль изничтожила стены. Увижу колючий, ползучий, удушающий плющ.

Я узнаю расположение комнат, даже тех, что наверху, поскольку однажды наберусь мужества взойти по лестнице, не страшась того, что ступеньки обратятся в пыль под весом моего тела. Но все это произойдет позже.

А тогда все было впервые. Мне впервые приснился этот сон – после того, как я нашла объявление с лицом пропавшей – и искала я в доме именно Эбби.

Я чувствовала ее присутствие – тихое испуганное присутствие где-то в провалах темноты. Запах был таким же, как в фургоне. Но сильнее, ближе. Она пошевелилась, и доски пола

заскрипели; так я узнала, что здесь у нее есть вес, а значит, и тело. Есть вещественность. Здесь она реальна.

Я сделала шаг по направлению к тому месту, откуда раздавался шум.

– Эбби? Это ты? – Я говорила с трудом, но меня можно было услышать.

Я различила очертания фигуры у окна в соседней комнате. Стоя на тротуаре, я не могла видеть, что здесь есть занавески, но изнутри разглядела длинные темные паруса задернутых портьер. Почему-то в этой комнате свет был чуть ярче. Блестящая материя штор, казалось, сопротивлялась темноте, в ее складках можно было прятаться или кого-нибудь спрятать, грязная бахрома лежала на полу.

Она стояла ко мне спиной.

В ее волосах уже не было листьев и веточек. По крайней мере, я их не видела. Ее наполовину скрывали портьеры, и потому я не могла сказать наверняка. Казалось, я ее знаю, непонятно почему.

Я попыталась пробраться к ней сквозь дым, потому что у меня были вопросы. Вопросы вроде: что это за место и что горит? Действительно ли она Эбби Синклер с объявления? Я ее вижу, и это значит – что она мертва или, напротив, еще жива? Найду ли я ее?

Но это был сон. А ноги в снах не двигаются так, как им положено в реальности, и язык не смог выговорить слова, скопившиеся у меня в голове. У меня получилось лишь:

– Эбби?

Фигура у окна не обернулась и ничего не ответила. И я поняла, что ответов в этом горелом доме нет. Они там, снаружи, где-то рядом с Пайнклиффом, городом, где я живу. От меня ждут, чтобы я вышла отсюда и нашла их. И окутанная дымом девушка не в силах помочь мне в этом.

Для этого нужно проснуться.

5

Он был там, в конце уже знакомой мне дороги. Чтобы найти его, нужно было на развилке свернуть направо, а не налево. От нее изгибы дороги уходили далеко в сосны, и вход, который я искала, находился за слепым поворотом, отмеченным группкой белых елей и синим знаком. Знак был почти весь засыпан свежевывающим снегом, так что слов было не разобрать, а лишь разглядеть часть фигуры поднявшейся в темнеющее небо женщины – она воздела руки к небу, чтобы поймать падающие снежинки. У нее на голове была голубая накидка, как у Девы Марии, а лица не было, как у привидения. Позади нее возвышались запертые ворота высотой с деревья.

Это был летний лагерь для девочек «Леди-оф-Пайнз»: место, куда отправляют своих дочерей жители нескольких близлежащих городов и их пригородов. Территория лагеря располагалась в низине, полной комаров, сосен и дубов, росших по краю холодного озера. Гребень горы скрывал от взгляда то, что было с другой стороны, за лагерем, и девочки – и их родители – не имели ни малейшего представления о находящемся там, всего в нескольких милях от них, строении. Вся эта природа, на лоне которой они проводили лето, была гораздо ближе, чем они могли себе представить, к одной из государственных, наиболее строго охраняемых мужских тюрем, в которой содержалось, как я выяснила, более тысячи опасных преступников, в том числе убийц, насильников и растлителей детей.

Согласно объявлению о пропавших людях, этот летний лагерь был последним местом, где видели Эбби Синклер. Здесь, за этими воротами и деревьями.

Я остановилась и выключила двигатель, но следующая за мной машина Джеми продолжала ехать. Сейчас ему пришлось, дав задний ход, приткнуться к сугробу. Снегоуборочных машин не было здесь со времени последнего снегопада, и потому припарковаться иначе было трудно. Проехав еще немного, он опустил стекло и позвал меня:

– Что случилось? Почему ты остановилась?

– Все в порядке, – ответила я. – Вылезай из машины и иди сюда.

Я уже выбиралась из фургона и проверяла фонарик. Зимой ночь наступает раньше, особенно здесь, где горы загораживают солнце. Я знала, что всего лишь через несколько минут вокруг нас стухнет тьма, и не была уверена, работает ли электричество на территории закрытого на зиму лагеря. Без фонарика мы ничего не сможем сделать.

Фонарик замигал, и я постучала им по своему бедру. Свет. Я помахала Джеми, не оставляя попыток выудить его из машины.

– У тебя снова заглох двигатель? – крикнул он.

Я отрицательно покачала головой. Он не знал, почему мы здесь. Я не озаботилась тем, чтобы сказать ему, что место, куда он сопровождает меня, не является рестораном, хотя и умудрилась намекнуть на это. Сквозь ворота была видна расчищенная дорога, ведущая, очевидно, на основную территорию лагеря, где Эбби провела несколько летних недель перед своим исчезновением. И нас от нее отделял лишь забор из рабицы.

Джеми бросил на меня взгляд, значение которого я не поняла, но все же заглушил мотор, натянул на голову капюшон и вышел на холод.

Я направила фонарик на калитку и высветила висячий замок на толстой цепи.

– Ты можешь справиться с этим, – спросила я, – чтобы нам не пришлось лезть через забор? – И посветила на верхний край забора, по которому шла железная проволока, слегка поблескивающая в сгущающихся сумерках.

– Хочешь сказать, что наряжаться было ни к чему? – Джеми вытащил из-под пальто воротник рубашки – хорошей серой рубашки на пуговицах, которую он, возможно, даже погладил в расчете на приятное времяпрепровождение. Но, должна признать, он вовсе не разозлился.

Мы с Джеми провели вместе это лето (то самое лето, когда Эбби в нескольких милях от нас оборонялась от комаров, управляла каноэ и без конца разучивала песни для костра). Все произошло очень быстро – у нас с Джеми.

До того, как я обнаружила Эбби, а вскорости и остальных – до того, как основательная часть меня резко изменилась, обнаружив себя во мне, словно айсберг поднялся над ледяной водой, чтобы продемонстрировать свои истинные чудовищные размеры, – я была всего лишь девушкой, на которую запал Джеми. Это произошло не так уж и давно, но теперь мы с прежней Лорен были совершенно разными людьми.

Мы с Джеми тоже были разными, и я всегда буду помнить обо всем хорошем, что есть в нем. Скажем, о том, как он бесстрашен, когда дело доходит до штурма высоты или же преодоления других преград; однажды я заперлась у себя, и он поднялся по стене моего дома, чтобы добраться до открытого окна, для чего ему пришлось балансировать на хлипкой решетке высоко над задним двором, удерживаясь на ней лишь кончиками пальцев. О том, что он делает что-то вместе со мной только потому, что я прошу его об этом. И ему неважно, зачем все это нужно.

Точно так же обстояло дело и сейчас. Среди снегов. Он приподнял замок, чтобы изучить его. Пар, валивший у него изо рта, повис между нами, словно хотел добраться до меня, но я была вне пределов досягаемости. Пока что.

Я смотрела, как снег падает ему на волосы, на непокорные кудри, торчащие из-под капюшона, и мне хотелось рассказать ему об Эбби. Но Джеми не верит в привидения. И разве можно объяснить разумному, рациональному человеку, что тебе довелось повидаться с одним из них? Что ты как-то связана с девушкой, чье лицо увидела на объявлении о пропаже? Девушкой, которая исчезла *прямо здесь*? Что она – ты в этом уверена – взывает к тебе, желая сообщить что-то очень важное, вот только ты не разбираешь ее послания?

Думаю, я взяла его с собой, чтобы каким-то непонятным мне самой образом объяснить ему все это – но имеет ли значение, какие мысли копошились у меня в голове, пока мы бок о бок стояли у запертой калитки лагеря? Он не понимал меня, поскольку я ничего не объясняла.

«ВХОД ЗАПРЕЩЕН» – такие знаки висели на заборе над нашими головами, они светились в темноте почти радиоактивным светом. Снег запорошил плечи зеленой армейской куртки Джеми, купленной на барахолке. Она была шита на человека гораздо крупнее его, но он все равно носил ее, потому что это был мой подарок. Он очень долго молчал; я думала, он сдался и теперь предложит пойти в ресторан. Но тут его лицо просветлело.

– Значит, так, я не могу справиться с замком, – сказал он с легкой улыбкой. – Зато с цепью все проще. – И одним сильным рывком он разорвал ее. Замок упал в снег.

Джеми пытался встретиться со мной взглядом, а я хотела избежать этого.

– Кстати, что это за место? – поинтересовался он.

– Летний лагерь для девочек, – ответила я, толкая калитку в сугроб. – На зиму его закрывают, но мне хочется осмотреться тут.

Я не дала ему возможности спросить, а зачем мне это нужно, и потянула за собой на территорию лагеря, покинутого всеми на зиму, хотя, как казалось тем вечером, его покинули много лет тому назад, еще до того, как мы с мамой перебрались в эти края, даже до того, как я родилась.

Мы с Джеми шли по, как я считала, главной дорожке. Он взял меня за руку. Не знаю, какого мнения он был о моих планах. Все началось именно тогда – моя потребность соблюдать дистанцию. Я чувствовала, как сомнения пробираются мне под кожу там, где он касается ее. Чувствовала холодный пот на его ладони и что-то липкое: наверное, он запачкал руки смазкой для замка, когда разбирался с ним. От него исходила немного раздражающая уверенность в себе. И мне было необходимо вытеснить из головы мысли о нем.

Мы миновали сарай и белое строение с надписью «АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОРПУС», вырезанной поверх деревянной двери. Шли мы медленно, молча, я то и дело высвечивала фонариком что-то, казавшееся интересным. Дорожки углубились в сосны, и по разной толщине снега можно было судить о том, где они начинались, но не о том, куда вели. Тишина, нарушаемая нашими шагами по только что выпавшему снегу, становилась все более обволакивающей.

Неожиданно Джеми спросил:

– Ты вроде говорила, что это место закрыто.

Оказалось, он увидел следы ног, или скорее какие-то вмятины, припорошенные выпавшим днем снегом. Небольшое приземистое строение, сложенное из шлакоблоков, находилось слева от нас, а справа был огороженный участок квадратной формы, знак рядом с которым информировал о том, что здесь расположена компостная куча. Но сейчас все намертво замерзло и было занесено снегом.

– Наверное, какая-нибудь зверушка, – сказала я, но не успели эти слова слететь с моих губ, как послышалось тихое шуршание, быстрое и удаляющееся, словно кто-то пустился в паническое бегство. А потом мы кого-то увидели. Маленькое толстенькое создание выкатилось из почти охваченного темнотой леса, перекатилось через упавшую ветку, добралось до компостной кучи и уставилось на нас двумя желтыми глазками, будто ожидая подходящего момента, чтобы дать деру.

– Это... – запнулась я. – О нет. Это же скунс.

– Лиса, – возразил Джеми. – Я так думаю. – Мы медленно отступили назад, отдаляясь друг от друга и от зверька.

Эта встреча в пустынном лагере могла бы оказаться единственной за весь вечер, если бы не поднялся ветер и не дал мне знать, что *она* близко.

– Чувствуешь запах? – спросила я. – Словно что-то где-то горит? – Запах доносился непонятно откуда. Слабый и далекий, он тем не менее напомнил мне о моем сне. О ней. О моей уверенности в том, что они имеют отношение друг к другу.

– Нет... – начал он, но я не дала ему возможности договорить, потому что пошла вперед быстрее, с определенной целью: дымовая завеса между моим миром и миром Эбби стала достаточно тонкой, и у меня появилась возможность преодолеть ее.

И в какой-то момент я выпустила руку Джеми из своей руки.

6

Она была здесь.

Эбби Синклер ходила по этой самой тропинке, я чувствовала это. Перед своим исчезновением она провела в этом месте несколько летних недель. Поднимала флаг на этом шесте и выгребала из карманов мелочь, чтобы купить леденцы в этом буфете.

Чем дальше мы шли, тем яснее становилась мне ее жизнь в лагере. Я впитывала в себя то, что она видела, что чувствовала, чем дышала. Я понимала, как-то абстрактно, что Джеми идет за мной, но не оглядывалась на него и ничего не объясняла.

Я ощущала, каким душным был воздух в летних домиках – из-за москитных сеток. У меня на коже появилась испарина – влажность, донимавшая жителей долины летом, проникала сквозь одежду. Я продолжала прислушиваться к шуму деревьев, помня о том, как из темноты на меня набросилось эхо. Несколько всплесков на поверхности озера; стук вилок по тарелкам в столовой; звук, с каким в самое сердце жертвы была нанесена рана пущенной из лука стрелой.

Мы продолжали идти. Казалось, мы оба молчим, но Джеми вполне мог что-то говорить, хотя я его не слышала и не отвечала.

Мы нашли столовую, и Клуб искусств и ремесел, и спортивное поле. Видели место, где жгли костры. Там был большой круг из камней, и я представила, как девочки собирались здесь в теплые вечера – здесь, на открытом месте, где сосны расступаются и над головой появляется распростертое по небу покрывало из звезд.

Ничего в данный момент не горело, и запах, который, как мне показалось, я уловила в лесу, улетучился. Я смахнула с камня снег, села и стала смотреть вверх. Ночь уже наступила, и на небе показались звезды. Неровный горный хребет вдаль был виден нечетко, слегка мерцал и совсем не походил на горы. Я постаралась взглянуть на все это глазами Эбби. Она была не здешняя. Не привыкшая к этим местам. Может, наше небо казалось ей не таким, каким она видела его там, откуда была родом. Тут – вдаль от магазинов и уличного света – было намного темнее. А в темноте, в отсутствие дорожного движения и соседей, может случиться практически все что угодно.

Джеми прочистил горло. Он был совсем рядом со мной, а я забыла об этом. Опять.

– Что мы... мы что-то ищем? – спросил он.

Он занимал себя тем, что бросал камешки. Иногда камешек попадал в дерево – и я чувствовала звук их соприкосновения, или же ударялся о переплетения веток, но чаще всего просто улетал в небо.

Я встала. Она хотела, чтобы я продолжала все осматривать.

– Мы исследуем это место, – сказала я Джеми. – Просто смотрим, что здесь есть.

– Эй, Лорен, иди ко мне! – Он пытался схватить меня то за руку, то за бедро, то за другую часть тела, чтобы притянуть к себе. Но в темноте все время промахивался, и я проскользнула мимо него, отошла от костровой ямы и направилась к холму. Холм шел вниз, благодаря чему скорость моего передвижения увеличилась, и я побежала.

Я бежала по дорожкам между спящими домиками, пытаюсь высмотреть что-нибудь сквозь занавешенные окна, и увидела москитные сетки и накомарники, которые вряд ли могли служить препятствиями для насекомых. Ступеньки, ведущие к дверям домиков, были основательно занесены снегом. Но я нашла следы и других животных – оленей и енотов, птиц – и следы более крупные, они, должно быть, принадлежали сове, большей частью прячущейся на деревьях. Никто из людей, казалось, не бывал здесь зимой – до меня.

В лагере было всего пять спальных домиков. Мне пришлось три раза подбираться к ним с фонариком, чтобы найти нужный.

Домик № 3. Домик Эбби.

Но поначалу я этого не знала.

На зиму мебель оставляли в домиках. С матрасов на кроватях были сняты простыни, желтые комковатые подушки ждали нового летнего заезда девочек.

Именно Джеми помог мне узнать, на какой кровати спала Эбигейл. Он вошел вслед за мной в домик и сказал:

– Эй, посмотри на стены.

Именно так я обнаружила, что девочки из «Леди-оф-Пайнз» любили вырезать свои имена или инициалы и даты пребывания в лагере на стенах из грубо отесанных бревен над кроватями, стоявшими вдоль стен в два длинных ряда. И за много лет подобных надписей накопилось столько, что получилась летопись вроде тех, что пишут заключенные на стенах камер.

Я обошла домик в надежде обнаружить наиболее поздние записи.

У меня было предчувствие, что я найду ее, и я нашла. Эбби не просто вырезала свое имя на деревянной стене у кровати, на которой спала, не позаботившись о том, чтобы указать год, который провела здесь, как это сделали другие девочки. Надпись, выведенная ею, оказалась зацепкой:

ЭББИ СИНКЛЕР

ЛЮК КАСТРО

НАВСЕГДА

Джеми, опередив меня, сказал:

– Странно. Помнишь этого Люка из нашей школы? Да он просто козел.

Я знала, кого он имеет в виду – парня, который окончил школу год или два тому назад. Он играл в каких-то командах или же просто тусовался с ребятами-спортсменами, точно не помню.

– А может, нет... – И, не успев договорить фразы, я уже точно знала: это действительно тот самый Люк. Это его имя стояло рядом с именем Эбби. Навсегда.

Не думаю, что Джеми заметил, что я задержалась у ее кровати дольше, чем у других, как мой палец прошелся по неровным очертаниям сердечка, которое Эбби вырезала на мягкой занозистой древесине на том самом месте, рядом с которым оказывалась ее голова, когда она спала. Он понятия не имел, что я пыталась представить, как она вырезала его и чем. Пыталась воссоздать воспоминания, которые не были моими, как бы мне того ни хотелось.

Я услышала, как на другом конце домика он бормочет что-то себе под нос – нет, ему, должно быть, кто-то позвонил, и он разговаривал по телефону. Он повернулся ко мне спиной и говорил тихо, словно не хотел, чтобы я знала, кто является его собеседником.

Нас никто не видел, и именно тогда началось *это*.

Я встала. И пошла на негнущихся ногах в глубь домика, где стояли несколько пустых шкафчиков и имелась темная душевая. Я продолжала идти к ней. И больше не слышала, как Джеми разговаривает по телефону. Уши уловили нечто другое: ритмичное *шлеп-шлеп-шлеп*, звучащее где-то на уровне пола. Я остановилась, озадаченная. Шлепанье прекратилось. Я снова пошла, и снова что-то тихонько зашлепало.

Звук исходил от моих собственных ног – легкий звук шагов по выложенному плиткой полу душевой. Я легко представила, что вместо грубых ботинок в стиле «милитари» на мне легкие летние шлепанцы. Примерно такие я видела на ногах у Эбби, когда она сидела в моем фургоне.

Стоя в душевой, я почувствовала, что мне больше не холодно. Более того, здесь было душно, и захотелось расстегнуть все пуговицы на шерстяном пальто, чтобы вдохнуть полной грудью. Я распахнула пальто. Стянула с шеи толстый шарф и позволила ему упасть.

В душевой оказалось всего одно окно, очень маленькое, в него можно было просунуть только руку, но я подошла к нему и открыла пошире, чтобы впустить воздух. Из окошка был виден лес за домиком, но не покрытые снегом ветви, не обремененные им сосны, не белое поблескивающее в зимней темноте снежное одеяло. Вопреки моим ожиданиям, то, что я увидела, было зеленым.

Невозможной зеленью лета.

Я быстро отвернулась, сползла по облицованной плиткой стене – спина ощутила теплую влагу – и села на полу душевой рядом со сливом.

– Я пришла, – сказала я громко, давая словам возможность отразиться эхом от стен и долететь до того, кто слушает меня.

Я почувствовала дыхание Эбби совсем рядом, словно она прислонилась к стене рядом со мной и ее голое, искусанное насекомыми плечо оказалось в нескольких миллиметрах от моего.

И мне открылась ее история, истинная и будоражащая.

Тем летом, что она была здесь, Эбби спала в этой кровати в третьем домике, где я увидела ее имя и имя Люка. Ее койка была придвинута к самой дальней стене и стояла под последним в ряду окном. Спала она, свернувшись клубочком. Подушка в пластиковом мешке, все еще лежащая на кровати, была той подушкой, которую она зажимала между коленями.

Я узнавала все больше и больше. Например, что, когда Эбби в конце июля покинула лагерь, ни одна новенькая девушка не заняла ее кровати. Хотя в третьем домике после исчезновения Эбби не стало вожатой, им пришлось смириться с этим – было слишком поздно брать кого-то на ее место. Девочкам в лагере просто сказали, что она уехала. Главная вожатая третьего домика забрала аккуратно сложенные вещи Эбби из шкафчика и упаковала в цветастый чемодан, хранившийся у нее под кроватью, чтобы вернуть семье, которая, казалось, совсем не удивилась тому, что девушка убежала. Никто из вожатых не счел нужным поведать детям, что она убежала в ночи в одной только спортивной одежде. Не оставив записки, объясняющей, почему она это сделала.

Но девочки из третьего домика все равно подозревали о чем-то ином. Они старались не произносить ее имени и держались подальше от вещей, к которым она прикасалась. Никто не воспользовался освободившимся шкафчиком или «тропическим» шампунем, который она оставила в душевой. Кровать Эбби стояла в самом лучшем месте в домике – более уединенном, чем места посередине, но никто не захотел спать на ней, словно она было проклята.

Я поняла, что встала и пошла, только услышав тихое шлепанье собственных ног по полу.

Кровать была точно такой же, какой я оставила ее, но на заплесневелой подушке внутри пластикового пакета я увидела то, чего прежде не заметила. Я вытянула руку и расстегнула «молнию» на пакете. Мои пальцы забрали *это* с покрытой пятнами подушки и вытащили наружу. Она висела передо мной.

Одна-единственная прядь волос.

С головы Эбби.

Я знала это, как знала и другие вещи. Волосы никак не могли быть моими – они были темно-русые и курчавые. Мои же волосы покрашены в черный цвет, и они безнадежно прямые.

Что-то заставило меня понюхать их, какое-то брезгливое любопытство. Я знала, чем они пахнут, прежде чем успела поднести к носу, – это был чуть слышный, но едкий запах дыма, словно прядь подержали над зажигалкой, а потом подожгли. Все имеющее отношение к Эбби, казалось, пахло точно так же.

Я покинула домик и вернулась на основную территорию лагеря, чувствуя горячие лучи солнца у себя на плечах. Собрала свои волосы и завязала их в узел. Небо было ярко-голубым, с пушистыми, плывущими куда-то облаками. С расположенного поблизости озера доносился девчачий визг и плеск воды.

Ее следы можно было обнаружить повсюду. Эбби писала в этом лесу. Топтала цветы. Вот здесь она остановилась и яростно почесала то место, куда укусил комар. И на месте укуса выступила кровь.

Тот участок леса, где она впервые увидела Люка, был скрыт от глаз соснами, но я нашла его, потому что ветви тут оказались реже, а земля уходила вниз, и у меня создалось впечатление, будто я уже видела все это на какой-то картинке. Или, скорее, ее память больше не принадлежала только ей. Теперь это была и моя память.

Он ехал на мотоцикле, рев которого раздавался среди деревьев и походил на звуки бензопилы, и потому казалось, будто в лесу идет сражение. Никто из девочек из отряда Эбби, собирающих цветы, не мог понять, что это за шум и откуда он доносится, до тех пор, пока наверху не показался истошно визжащий, несущийся на бешеной для леса скорости мотоцикл. Он переехал выступающие из-под земли корни деревьев и резко затормозил на поляне, так что его переднее колесо оказалось в нескольких дюймах от пальцев ног одной из девочек.

– Это частное владение. – Тебе сюда нельзя.

– А я здесь живу, – ответил Люк Кастро. И тут я вспомнила. Люк Кастро из нашей школы действительно жил где-то поблизости – я была уверена в этом.

Из-за света то ли солнца, то ли ее воспоминаний мне было трудно смотреть ему в лицо, но это был он, тот самый парень из нашей школы.

Он разглядывал Эбби, стоящую перед ним в майке без рукавов. Он смотрел на нее, только на нее, хотя вокруг было много девушек, потому что она была старше других, потому что собрала много цветов или же просто потому, что на ней была самая обтягивающая майка.

– Я живу у холма, вон там, – сказал он.

И показал куда-то на деревья, но никто из девочек не понял, о каком месте он говорит и в каком направлении оно находится. Ближе к Пайнклиффу или дальше от Пайнклиффа? Рядом с железной дорогой или в другой стороне от нее? Вожатые еще не научили их определять направление по солнцу и пользоваться компасом. И Эбби следовало бы наверстать упущенное. Но ей было до лампочки.

Эбби приехала сюда, чтобы стать крутой вожатой. В своем заявлении она написала, что любит детей. Но на самом-то деле она их не любила; просто ей был нужен предлог для того, чтобы убраться на лето из Джерси. Она понятия не имела, как сильно возненавидит обитателей лагеря после недельного пребывания в нем – после всех этих воплей в мегафоны; каши-размазни, которую она ела или пыталась есть; после солнечных ожогов, полученных в результате гребли на каноэ. Ей хотелось, чтобы девочки удалились в лес и там сами развлекали себя с помощью веточек и сосновых шишек или чего-то там еще, а она ненадолго осталась бы наедине с этим незнакомцем.

Но девчонки требовали от Люка покинуть территорию лагеря, и он подчинился, бросив на Эбби прощальный взгляд.

Девочки не могли знать, о чем он и Эбби сказали друг другу с помощью глаз. *Привет! – Привет! Что это за соплячки? – О боже, не спрашивай. – И что ты здесь с ними делаешь? – Сама не знаю, мне тааааааак скучно. – Да? – Да. – Так, может, потусуемся как-нибудь вечером?*

Люк Кастро укатил прочь, мотор мотоцикла долго ревел среди деревьев – словно парень был готов в любой момент развернуться, прорваться сквозь кусты, раздробить чьи-то пальцы и вообще устроить кровавую расправу. Но он не вернулся, по крайней мере в тот день.

Эбби помнила лишь, как она спросила, едва выговаривая слова: «Кто это был?» И не имела ни малейшего понятия о том, что довольно скоро выяснит это. Она это выяснит. Обязательно выяснит.

7

Прежде чем я покинула территорию лагеря тем вечером, Эбби захотела показать еще одно свое воспоминание, побольше рассказать о Люке.

Хихиканье Эбби пронизывало воздух, словно сосновые иголки. Мы катились вниз с холма. Было слишком темно, и я не видела, куда подевался мой фонарик, но чувствовала сквозь рубашку тепло травы, грязь и листья. Мы летели вниз, пока не достигли мягкого дна, и там с нами оказался еще один человек, будто он, как и мы, скатился с холма. Хотя я остро ощущала свою связь с ней – она и я, я и Эбби – но не сомневалась, что у подножия холма было всего два человека: парень – это был Люк, и девушка – это была Эбби. Я только наблюдала за ними. Она взяла его за руку – казалось, это сделала и я – и держала ее крепко. Потом выплюнула изо рта иголки и стряхнула листья с волос, хотя было слишком темно, и он не мог ее видеть, и сказала – она говорила, а я лишь повторяла одними губами:

– О боже, я ужасно люблю тебя, Люк.

У нее это вырвалось само. Она не собиралась произносить таких слов вслух, но долгое падение с холма развязало ей язык. Слова повисли в темноте, и она не могла взять их обратно.

Я не слышала, что он ответил, и поначалу предположила, что мой слух то включается, то выключается. Но это было не так. Просто он промолчал. Она сказала, что любит его, а он не удостоил ее ответом. Заткнул рот поцелуем.

У поцелуя Джеми был вкус корицы. Это был привычный для меня вкус.

Но к таким поцелуям, как у Люка, я не привыкла. Сначала он не стал пускать в ход язык, и тогда Эбби захотелось, чтобы он сделал это. Он дразнил губами, прижимал рот к ее шее. Сначала с одной стороны под ухом, потом с другой. Затем стал спускаться вниз по горлу до ключиц и ниже – между грудей – и тут только я поняла, что ее рубашка расстегнута и распахнута. Когда он снова стал подниматься вверх, выше и выше, его язык наконец вошел в ее рот, и она узнала его вкус, я узнала его вкус, он узнал наш вкус. Он был сладким, и эта сладость была легкой и какой-то далекой, поцелуй получился влажным, так что потом пришлось вытереть рот. Она сделала то же самое.

Он не хотел довольствоваться поцелуем, но вечер еще не подошел к концу. Наверху, на холме, остался взятый напрокат велосипед Эбби. Я знаю это, как знаю и то, что высокая трава щекотала ее бедра, поскольку она была в шортах, но в темноте не могла увидеть, были они красными с белыми полосками по бокам или это какие-то другие шорты. Была ли это НОЧЬ или одна из ночей.

Он оторвал свои губы от ее губ, и у нее появилась возможность вздохнуть. Она откинулась назад, на теплую землю, а трава была мокрой от вечерней росы, и посмотрела в темное небо у него над головой. Ох уж эти звезды: точно такие же я видела и сейчас, спустя пять месяцев.

Вот что помнила Эбби. Она любила возвращаться к этим воспоминаниям, чтобы не думать о том, что было дальше.

8

Джеми тряс меня. Держал за плечи и звал по имени. Голос у него был хриплым, каким-то надтреснутым, так что, наверное, это продолжалось уже довольно долго. Он взял мое пальто – оно каким-то образом оказалось не на мне – и укрывал меня им, как одеялом. Моя кожа была гладкой от холодного пота под шерстяной тканью, грудь горела, пуговицы расстегнуты, рубашка нараспашку. Я быстро, как только смогла, застегнула ее и, высвободившись из хватки Джеми, поднялась на ноги.

Я стояла у подножия холма, покрытого снегом. Наверху не было велосипеда, и Люка Кастро тоже.

– Мы с тобой только что?.. – спросила я, показывая сначала на свой рот, а потом на его. Мои губы распухли от поцелуев и были влажными.

– Что? Нет! – Джеми стоял рядом и пытался помочь мне просунуть руки в рукава. – Ты впала в какое-то бредовое состояние. Побежала. Начала раздеваться, затем покатила вниз по холму. Неужели не помнишь?

Я не знала, что хуже... сказать, что помню, или что не помню.

Меня спас яркий луч света, направленный мне в лицо. Он – бьющий в глаза – отвлек от воспоминаний Эбби о жарком и бесстыдном летнем дне.

Полицейский переводил фонарик с Джеми на меня.

– Это ваши машины стоят перед воротами? – спросил он, как выстрелил.

Джеми замешкался. А потом ответил:

– Да. Машина моя. Фургон ее.

Руки у меня были холодными; и я сосредоточилась на этом. И на ушах. Они тоже замерзли. Должно быть, когда я катилась с холма, то потеряла шапку, а также шарф. Насквозь промокшие ноги были все в снегу и ледяных комьях. В волосах тоже был лед; и в носу тоже.

– Это частное владение, – сказал полицейский, отведя взгляд, когда я поправляла пальто и отряхивалась. – Там на заборе повсюду висят запрещающие знаки.

Теперь, когда он оказался ближе и свет фонарика освещал довольно большое пространство вокруг, я попыталась разобрать его имя на бейджике, но не смогла. Мужчина казался большим темным пятном, на глаза падала тень от шляпы.

– Мы просто гуляли, – сказал Джеми, беря меня за локоть.

Но я поняла вот что: появилась возможность кое-что выяснить. Эбби не хотела бы, чтобы я упустила ее.

– Полицейский... – я подождала, пока он назовет свое имя.

– Хини, – ответил он далеко не сразу.

– Мистер Хини, мы оказались здесь по одной важной причине. – Я почувствовала, как заволновался и напрягся позади меня Джеми. – Хотели посмотреть, что здесь сейчас делается.

– Хм, – протянул руку полицейский. – Ваши удостоверения личности.

Он заставил нас достать бумажники, открыть их и показать права. У Джеми на фотографии был взгляд убийцы – словно он собирался подложить самодельную бомбу в здание Министерства транспорта. Я же казалась невыразимо печальной, что было странно – помню, в тот день я была без ума от счастья, что получила права.

Просмотрев наши документы и узнав, что нам обоим по семнадцать и оба мы здешние, полицейский сменил гнев на милость, но все же продолжал настаивать на том, чтобы мы покинули территорию лагеря. Он сказал, что запомнит нас и в следующий раз арестует, если мы опять нарушим границы чужих владений.

И повел нас к воротам, где стояли машины.

Я притормозила, чтобы идти рядом с ним, оставив Джеми впереди одного – фонарик светил ему в узкую спину, словно поторапливал.

– Мистер Хини, – сказала я. – Вы работали здесь летом, когда пропала девушка?

Поскольку свет фонарика падал на спину Джеми, а не на мое лицо, я могла разглядеть полицейского получше. Вот только его невозможно было описать и запомнить, как и многих людей среднего возраста – у них у всех опухшие небритые лица и одинаковые головы. Я не узнала бы его без формы. Он мог быть кем угодно.

Джеми замедлил шаг, прислушиваясь к нашему разговору, но я должна была задать свой вопрос во что бы то ни стало.

– Какая девушка? – тихо спросил полицейский.

Спросил так, будто речь могла идти о великом множестве девушек, великом множестве длинных жеребьячьих ног и голов с развевающимися по ветру волосами, и я должна была устроить кастинг и выбрать одну из них – ту, которая понравится мне больше других. Он просто проверял меня. Он знал, о какой девушке я говорю.

– Которая жила здесь летом, – ответила я. А затем позволила ее имени впервые сорваться с губ. – Эбби Синклер. Я хочу сказать, Эбигейл Синклер. Исчезнувшая девушка.

Полицейский быстро вел нас к воротам. Когда мы проходили мимо флагштока – его провисшая веревка взметнулась вдруг вверх с порывом ветра, – я увидела, что Джеми обернулся и посмотрел на меня. В свете фонарика его лицо казалось мертвенно-белым. И на нем читалось частичное понимание того, что и зачем я вытворяю. Теперь он знал, почему я остановила фургон, знал: я сделала это намеренно и все от него скрyla.

Полицейский остановился, словно стараясь сообразить, как ответить на мой вопрос. И когда он заговорил, то его голос звучал строго и авторитетно, будто я не имела права называть никаких имен.

– Да, – сказал он. – Эбигейл Синклер. Почему вы о ней спрашиваете?

Мне не понравилось, как он произнес ее имя.

– Это, – я старалась избегать взгляда Джеми, – моя давняя подруга. Я слышала, она была здесь этим летом, а когда узнала, что с ней случилось, решила приехать сюда и попытаться...

Полицейский слегка подтолкнул меня, чтобы я ускорила шаг. Теперь мы шли мимо компостной кучи и подходили к воротам.

– Насколько я понимаю, – сказал он, – вы не там ищете.

Я задрожала под порывом холодного ветра. Ноги онемели, я посмотрела на них и удивилась тому, что на мне по-прежнему ботинки, а не шлепанцы Эбби, поскольку готова была поклясться, что голые пальцы моих ног утопают в снегу.

– Что вы хотите сказать? Почему «не там»?

– Девушка убежала. И ее семье известно об этом.

– Вы ошибаетесь. Никуда она не убегала.

– Откуда такая уверенность?

Да, я была уверена.

Мы добрались до забора, он придержал для меня калитку на уровне моей груди и, казалось, какую-то долю секунды не хотел выпускать меня из нее.

– Я знаю ее, – смущенно сказала я. – Знаю, что она не стала бы этого делать.

Тут вдруг, удивив меня, заговорил Джеми:

– Неужели никто ничего не видел? Куда она поехала? С кем? Известно ли хоть что-нибудь? – Он искоса посмотрел на меня, давая тем самым понять, что мы поговорим обо всем позже, но сейчас он будет мне подыгрывать.

– Вы осматривали местность вокруг лагеря? – добавила я. – Искали в лесу? А ее велосипед? Вы...

– Вот что я вам скажу: вы просто излишне любопытны, – ответил полицейский, глядя исключительно на Джеми. Но не на меня. Он упомянул пару деталей из объявления об исчезновении, и я запомнила, какие именно, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию позже.

Бабушка и дедушка Эбби – они были ее официальными опекунами – заявили, что она сбежала. Они сказали это и начальству в лагере, и полиции, потому ее и не начали искать сразу же.

Полицейский показал в направлении старой магистрали, которая теперь называлась Дорсетт-роуд. Свидетель – он не назвал его имени – видел, как Эбби свернула по этой дороге и словно сквозь землю провалилась. Он покачал головой, будто хотел сказать, что сделать что-либо было невозможно. Она поступила так, как поступила, по доброй воле.

Кроме того, читала я его мысли, ну кто она такая? Всего лишь семнадцатилетняя девчонка. А семнадцатилетние девчонки только и делают, что пропадают.

Полицейский закрыл калитку. Удостоверился, что мы сели в разные машины, и отбыл. Он ехал на автомобиле без надписи «Полиция» и без мигалки, и я задалась вопросом: а был ли он при исполнении, когда углядел наши с Джеми машины? Как только задние габаритные огни его автомобиля скрылись из виду, Джеми вышел из своей машины и направился к моему фургону.

– И что это было? – спросил он, садясь рядом со мной. Двигатель прогрелся плохо, в фургоне было холодно, и он поднес руки к вентиляционному отверстию.

У меня опять появилась возможность рассказать ему обо всем. Здесь, тихой ночью, спустя несколько минут после того, как я побывала в теле Эбби, или же это она была в моем, и мы с ней катались по сосновым иголкам в объятиях парня, которого, по ее словам, она любила. Теперь Джеми знал о ее существовании, и я могла признаться в том, какую тесную связь я ощущаю с незнакомым мне в реальной жизни человеком.

Я могла сделать это. Но сказала лишь:

– Я видела объявление о ее пропаже. И захотела найти это место. Мне было... любопытно.

(Я не стала говорить, что объявление, сложенное во столько раз, во сколько только можно сложить листок бумаги, лежало у меня в рюкзаке под ногами. Я чувствовала присутствие Эбби среди деревьев, я чувствовала ее присутствие в воздухе. Чувствовала, как она дышит через обогреватель, и это дыхание проникало в меня. Она не хотела, чтобы я вводила Джеми в курс дела, а ее желания были гораздо важнее моих.)

– Значит, ты ее не знаешь, – сказал Джеми. – Значит, ты соврала.

– Она не убегала отсюда, – ответила я. – Она этого не делала. Она...

– Как ты можешь это утверждать, Лорен?

Я смотрела на свои руки. В свете приборной доски вполне можно было разглядеть линии на ладонях, только вот на них не было ничего. Мои ладони были гладкими, словно у меня не было ни прошлого, ни будущего. Какое-то мгновение я гадала, чьи же это руки лежат на руле и чье тело покинуло только что территорию лагеря для девочек «Леди-оф-Пайнз» и село в мой фургон.

– Я ни в чем не уверена, – сказала я. – Просто у меня такое чувство.

И не смогла понять выражения его лица.

Я все это выясню, подумала я, но не стала произносить вслух. Она не оставит меня в покое, если я не сделаю этого.

Он пододвинулся ко мне. Я почувствовала его пальцы у себя на подбородке, губы на своих губах и, не успев сообразить, что делаю, резко отпрянула назад, так что между нами образовалось несколько спасительных дюймов. Я вытянула вперед руку и уперлась ей ему в грудь. Так что он не смог оказаться ближе ко мне.

На его лице отразилось смущение, а потом кое-что похуже, похожее на гнев. Никогда прежде я не отталкивала его от себя; и понятия не имею, почему сделала это сейчас.

– Кто тебе звонил? – пробормотала я наугад. Когда мы были в третьем домике и он отвечал на звонок, его разговоры совершенно меня не интересовали, но теперь что-то подсказало мне, что я должна поинтересоваться ими.

– Когда? – спросил он. И замер, наклонившись к сиденью, словно его подвесили в воздухе. Моя рука по-прежнему была вытянута, ладонь, на которой не было ни единой линии, упиралась ему в грудь, будто это я удерживала его в висячем положении. И это действительно было так.

Я смотрела, как он отодвигается от моей руки и откидывается назад. Казалось, то, что было между нами, сгнило и засохло прямо на глазах, превратилось в серую пыль. Меня, по идее, должен был бы обеспокоить такой ход дела. Всего несколько дней назад я бы воспротивилась этому, отыграла назад, извинилась. Но не сейчас.

– Кто тебе звонил? – повторила я. – Там, в домике.

– Да просто менеджер с работы. Сказал, какое у меня расписание на следующей неделе. – Теперь он основательно устроился на своем сиденье и даже не смотрел на меня.

– Правда? – спросила я. – Так кто это был?

– Менеджер. С работы, – повторил он. Джеми работал официантом в мексиканском ресторане «Куса Лупита» и действительно никогда не знал своего расписания на несколько дней вперед. – На следующей неделе я работаю во вторник вечером, в среду вечером и в субботу.

– О'кей, – кивнула я. – Хорошо.

Но что-то говорило мне, что верить ему не следует. Это что-то было иррациональным, необъяснимым, и раньше я не имела о нем никакого понятия. И вот я ощущаю это что-то, и оно имеет отношение ко всем и ко всему. Даже к парню, лишившему меня девственности, с которым я собиралась жить после окончания школы – а дальше мы не загадывали. Даже к Джеми. Даже к нему.

Джеми резко повернулся, его глаза заблестели. Словно я чиркнула спичкой и зажгла их.

– *Что* происходит? – спросил он.

– Я действительно не знаю, – честно ответила я. Мой голос звучал холоднее некуда.

– Но что-то да происходит, – буркнул он. – С нами. Сначала мы направляемся в ресторан. Потом оказываемся в каком-то непонятном месте, где что-то там случилось с девушкой, о которой ты прежде никогда не рассказывала. Дерьмо, да и только.

Он не стал дожидаться ответа – моего согласия или возражения. А захлопнул дверцу фургона, сел в машину и уехал. Он свернул по Дорсетт-роуд налево, и габаритные огни его автомобиля быстро скрылись за деревьями, ветер унес звук мотора, а ночь – возможность все исправить. Я не только не знала, как это сделать, но даже не была уверена, а хочу ли.

Я сидела и ждала, что он вернется, и удивилась, когда этого не произошло. Мое удивление все уменьшалось и уменьшалось, пока не обернулось твердым черным куском угля со словами на нем: Я. Же. Тебе. Говорила.

Его не было рядом, когда он был мне нужен, а это значило, что он мне не нужен вовсе. Джеми оставил меня одну, и я была вольна сама решать, что делать дальше.

Хотя, по правде сказать, чувство одиночества я испытывала совсем недолго. Когда он уехал, на откидном месте позади меня появилась Эбби. Она, как оказалось, была свидетельницей этой сцены, но придерживала язык до тех пор, пока не удостоверилась, что мы с ней остались вдвоем.

И тут не узнанный мною голос безмолвно произнес:

– *Хорошо, что ты избавилась от него.*

9

Я стояла посреди дороги, где пропала Эбби Синклер. Джеми уехал минуту назад или час тому назад; я знала лишь, что он уехал.

Я выбралась с автостоянки «Леди-оф-Пайнз» и повернула направо, куда указал полицейский. Поскольку это была горная дорога, довольно скоро я увидела холм, который высматривала. Возможно, это тот самый холм – наверняка это он, – по которому Эбби съехала вниз в тот вечер, когда исчезла, решила я и притормозила, надеясь ощутить под ногами асфальт, по которому она колесила. Затем заставила себя дойти до середины дороги вниз по склону и, сделав это, представила, как скорость ее велосипеда начала увеличиваться, как она перестала крутить педали, а потом понеслась вниз все быстрее и быстрее, дальше и дальше... но куда?

Я спустилась к подножию холма, сосны зашумели и, казалось, вновь стали перешептываться, обмениваясь какими-то своими секретами. Стоило мне подойти поближе, и они все как одна замерли и задержали дыхание.

История Эбби, которую она мне показала, прервалась у подножия холма. А я хотела увидеть, что было потом и чего не мог видеть никто.

Узкая дорога была ровной. Скоро я обнаружила некое темное пространство, куда не доходил свет уличных фонарей и близстоящих домов. Здесь ничего не было. Лишь неглубокий овражек (а скорее просто канава), на дне которого была вода, тянулся вдоль сосен слева, справа же дорогу и деревья ничто не разделяло. Но несмотря на темноту, лес казался прямо-таки сияющим – из-за недавнего снегопада. Было тихо. Было светло.

Что я надеялась найти?

Здесь не было привидения Эбби, готового поговорить со мной и излить душу. Нигде не виднелась ее поблескивающая фигура или поднятая рука, согнутые пальцы которой медленно подзывали бы меня к себе. Не было ее велосипеда, прикорнувшего у колкого ствола высокой сосны и ржавеющего там, где полиция не смогла его отыскать. Не было мужчины, который схватил ее – если это был мужчина; или машины, наехавшей на нее – если это была машина. Не было ответа в коробке с бантиком, оставленной на асфальте, с тем чтобы я ее обнаружила.

Долгое пребывание на дороге ни о чем мне не рассказало.

И все же я подошла к канаве, шаря вокруг глазами. Наклонилась, надеясь рассмотреть хоть что-то. Повсюду лежал снег, и любые следы, оставленные здесь летом, давно были смыты или сожжены, но я продолжала смотреть. С таким упорством, словно обязательно найду что-то нужное, меня посетит озарение, и я все узнаю.

В какой-то момент я обернулась и посмотрела на холм.

Мой фургон был припаркован на обочине, где я его и оставила, но что поразило меня, так это яркие лучи, прорезающую глубокую тьму.

Я оставила фары включенными?

Я была уверена, что нет, что погасила их и выключила двигатель, а затем вылезла из машины и пошла, но я могла и забыть, как оно все было, потому что с какой стати кому-то приспичило забраться в фургон и устроить подобную иллюминацию?

Я почувствовала, что дрожу. Фургон был черным, окна у него имелись лишь спереди и сзади, из-за чего он походил на средство передвижения, пригодное для серийного убийцы – на нем сподручно перевозить трупы. Никогда прежде я не замечала, каким зловещим он казался со стороны, какая от него исходила угроза.

Он таранился на меня с вершины холма светящимися глазами.

И тут, похоже, я впервые осознала, как в действительности обстоит дело. Меня преследуют. За мной таскается девушка моего возраста. Она чего-то ждет от меня и не отстанет, пока не получит желаемое. Такие вот дела.

Она знала каждый мой шаг, прямо сейчас могла видеть меня на темной дороге. Могла читать мои мысли. Слышала, как яростно бьется мое сердце. Чувствовала, как по моей спине течет пот.

Я никогда не ощущала себя такой одинокой или, напротив, настолько на виду.

Я должна продолжать смотреть.

Когда я снова перевела взгляд к подножию холма, то увидела вещи в ином свете. Холм был золотистым и теплым, наполненным летней жарой. Свет излучало все, даже ночное небо.

Снег исчез, и теперь дорога и овраг были бурыми от грязи и зелеными от прорастающей травы. А потом я поняла, что лежу на земле, на асфальте, потому что упала с велосипеда, и мои руки исцарапаны гравием, а колени в крови.

Волосы у меня были длиннее, чем обычно, и я смахнула их с лица, чтобы видеть хоть что-то. Я заметила переднее крыло автомобиля – ржавое, без одной фары, и, опираясь на него, встала. Потом услышала звук открывающейся дверцы и чей-то голос, а также как я отвечаю ему – голосу, который не является моим, – что я в порядке. Это не я спрашивала, это не я говорила, это кто-то другой.

Я была кем-то другим.

Все кончилось, не успев начаться, свет вокруг становился все холоднее и более голубым. Я шла, пошатываясь, посередине ледяной проселочной дороги, совершенно одна. Не было ни машины, ни велосипеда, ни мерцающего призрака девушки. Мои содранные колени болели под джинсами, словно я действительно грохнулась на землю, как и она, а ладони покалывали грязный гравий и крупинки соли, которой посыпают дороги. Но это опять были мои колени. Мои руки и мое собственное дыхание, клубами вырывавшееся на холоде из моих легких.

И тут я увидела *это*. Что-то блеснуло на краю дороги. Кусочек света, привлечший мое внимание, стал становиться меньше, пока вещь, которую я нашла, не позволила сфокусировать на ней взгляд. Сначала она показалась мне камнем странного цвета, а затем я моргнула. И поняла, что это такое. Кто-то уронил на краю дороги... ювелирное украшение.

Я подошла ближе и подняла его со снежного покрова. Удивительно, что оно не провалилось в снег целиком, а наполовину торчало из него, поблескивая в темноте. Это была подвеска из камня на порванной серебряной цепочке.

Я взобралась обратно на холм к фургону, подвеска была у меня в руке, и я смогла изучить ее. Я думала, это камень, но оказалась не права, по крайней мере, это был не такого рода камень, какой можно найти спокойно лежащим в грязи в долине Гудзона. Возможно, это был лунный камень, но не гладкий и белый, а круглый стеклянный пузырек, достаточно прозрачный, чтобы можно было видеть его насквозь.

Он был серым, как дым.

Если я начинала вертеть круглую подвеску в руке – это был не идеальный круг, а кривобокая самодельная поделка – то она начинала меняться и как бы завихряться, словно я разбудила спящий вулкан. Если не обращать внимания на это неестественное свойство подвески, на клубящийся внутри дым, она была всего-навсего простеньким украшением в массивной серебряной оправе. Порванная цепочка оказалась грязной и позеленевшей от ржавчины, и вообще, начать с того, что никогда не была хорошей цепочкой. Подвеска была недорогой и не совсем красивой. Но она что-то да значила.

Она принадлежала Эбби.

10

Мама застучала меня с одним из объявлений об Эбби. Я сорвала его в «Шоп эн Сейв», где работала после уроков. В дни перед посещением лагеря я обнаруживала все больше и больше таких объявлений – везде, где специально смотрела.

Одно из них в течение нескольких месяцев все время было у меня перед глазами на работе, висело в комнате отдыха между двумя торговыми автоматами – автоматом, в зобу которого застряло окаменевшее мороженое, и автоматом с газировкой, лившейся из каждого его отверстия. Мне была видна только верхняя часть объявления и только вторая половина самой верхней строчки – «...АЛ ЧЕЛОВЕК». Но все остальное быстро восполнила моя память, хотя углы страниц, приклеенных поверх объявления, загоразивали большую часть лица девушки. Я откопала его из-под нескольких слоев других объявлений о ненужных котятках и нужных соседях по комнатам, распоряжений о том, кто где может парковаться на автостоянках, и сведений о часах работы магазина. Под всем этим, исколотое сотнями кнопок, висело объявление об исчезновении Эбби Синклер.

Оно висело здесь с одной-единственной целью – чтобы я когда-нибудь да добралась до него.

Мама тем вечером пришла с занятий поздно, уже после моего возвращения из «Леди-оф-Пайнз». Я лежала в гостиной, свернувшись калачиком перед телевизором, – ждала ее, чтобы приготовить покупную пиццу. Джеми не позвонил, не прислал письма, не оставил сообщения, и потому мама нашла меня пребывающей в некотором ступоре.

– Эй, – сказала она, остановившись в дверях. Положила учебники на край стола, стянула куртку и спросила, как мы с Джеми провели вечер.

Я пожала плечами. Все было хорошо, ответила я, и по выражению ее лица поняла, что она мне не поверила, а она поняла: у меня нет желания говорить об этом, и больше ни о чем не спрашивала.

– Как занятия? – поинтересовалась я.

– Нормально, – ответила она.

В мелькающем свете телеэкрана я наблюдала за тем, как движутся ее татуировки – она сделала их еще до моего рождения. У нее были ползучие растения, обвивавшие кисти рук и поднимавшиеся к плечам; на спине была изображена девушка – завитки ее желтых волос виднелись из-под волос мамы, – держащая в руке бутылку бургундского; а на шее за ушами парила в небе стая птиц. Эти татуировки были такими же неотъемлемыми частями мамы, как ее два голубых глаза.

Пока я смотрела на нее, она тоже смотрела на меня, на ожесточенные движения моих рук.

– Что там у тебя? – спросила она.

Я поняла, что все еще верчу в руке объявление, проводя пальцами по каждой его складке, каждой дырочке от кнопки, будто пытаюсь запомнить историю Эбби, написанную шрифтом Брайля.

– Ах, это? – сказала я, и мой голос прозвучал удивительно неестественно. – Ничего.

Я знала, что это далеко не ничего, но пока еще понятия не имела, насколько, в определенном смысле, это было все. Эбби была первой, но далеко не последней. Всем девушкам по семнадцать – именно столько исполнилось мне в этом месяце. Скоро у меня будут объявления о многих из них. Я смогу перечислить наизусть их имена, особые приметы (родинки, прически, рост и вес), города, где они живут, и те места, куда они, возможно, подались, а иногда – как они были одеты, когда их видели в последний раз (фирмы кроссовок и цвета курток, такие мелочи, как серебряное сердечко на цепочке, бирюзовая шапочка с кисточкой, пояс в черно-

белую полоску). Я узнаю об их исчезновении, но мне неизвестно, чем закончатся их истории и почему они исчезли.

– Можно взглянуть? – спросила мама, надеясь, что я действительно позволю ей сделать это. Но я быстро скомкала объявление об исчезновении Эбби и спрятала в горячей, влажной ладони.

Мама отдернула руку, словно я ударила ее.

– Ладно, – сказала она. – Ты не обязана мне ничего показывать. Возьму из морозилки пиццу и суну в микроволновку. Будешь?

Я кивнула и проводила ее взглядом, когда она пошла на кухню. Хотела было сказать, что хочу помочь, но осталась лежать. Засунула под себя объявление и не стала противиться тому, что глаза начали слипаться.

Я почти хотела увидеть сон, почти призывала его. Не успев осознать этого, я очутилась на обочине дороги рядом с кирпичным домом и начала взбираться по потрескавшимся и крошащимся ступенькам, и вот я уже стою перед дверью и думаю, позвонить мне или просто войти.

Но я уже была внутри. Я кашляла, кашляла и пыталась отогнать от лица дым. Когда воздух стал чище – и мои глаза и легкие привыкли к этому, или же я наконец сообразила, что сплю и дым не настоящий, – то почти успокоилась. И позволила себе разглядеть, где нахожусь.

Планировка дома стала иной, некоторые дверные проемы я не помнила, а какие-то комнаты располагались там, где прежде было что-то другое. Надо мной под чьей-то тяжестью закрипел потолок. Виднеющаяся сквозь дым проржавевшая люстра, покрытая мхом и паутиной, закачалась, словно тот, кто был наверху, шел прямо над ней.

– Эй, кто там? – крикнула я. – Эбби?

И тут я заметила, как на другом конце огромной комнаты шевельнулись занавески. Кто-то притаился у окна, как и в прошлый раз. Та же самая фигура, та же самая девушка.

На этот раз я смогла разглядеть ее лучше.

Занавески давно уже превратились в лохмотья, и у нее не было возможности как следует спрятаться за ними. Сквозь дыры в ткани виднелась фигура – на ней были все те же слишком узкие джинсы, что и в тот вечер, когда я в последний раз видела ее; джинсы, у которых на бедре было написано ПНХ (вверх ногами, потому что она написала это, не подумав о том, как прочтут надпись другие, или же потому, что писала она для себя) – а из-под занавесок торчали две голые, черные от грязи ступни.

Все это время я искала Эбби, а теперь нашла кого-то еще.

Во сне я делала вещи, которые, скорее всего, не могла бы сделать в реальности. Пересекла комнату и подошла к занавескам. Я ничего не боялась. Проигнорировала все усиливающееся чувство, что следом за мной кто-то идет – кто-то пока еще незнакомый мне. Добралась до края занавесок и стала медленно нащупывать шнур. Найдя его, спрятанный в лохмотьях и перехваченный несколькими нитями, взялась за него обеими руками и потянула. Занавески раскрылись, и за ними оказалась девушка. Фиона Берк.

Она стояла здесь – вовсе не отвратительный оживший труп, в который превратилась, если верить слухам. И казалась ненамного старше, чем была бы, если бы осталась в живых.

Фиона Берк ничуть не изменилась со дня исчезновения.

У нее были красные волосы с черными корнями, местами порозовевшие. Глаза сильно подведены. Живот голый, но не потому, что за эти годы рубашка стала мала. Просто она любила носить одежду на размер меньше и не стеснялась выставлять напоказ свое тело.

Теперь, когда занавески раздвинулись, Фиона Берк прошла в комнату, потому что прятаться ей больше было негде. Пол был усеян осколками стекла, выпавшего, по всей вероятности, из расшатавшейся оконной рамы, и, приближаясь, ко мне, она ступала прямо по ним. На ее лице не отражалась боль, возможно, она вообще не чувствовала ее. Я поняла, что теперь, когда я выросла, а она перестала расти, мы стали одного роста.

Она заговорила. Она узнала меня.

Ну что, ты счастлива, маленькая засранка?

Я хотела спросить ее, как она узнала меня после стольких-то лет, ведь я покрасила волосы в иссиня-черный цвет и вообще выглядела совершенно иначе, чем когда была ребенком.

Но я не успела ничего сказать, потому что она схватила мою руку и что-то сунула в нее, что-то более горячее, чем ее кожа, обжигавшее, как уголек из костра, и это что-то было твердым, словно кость. Я постаралась как можно скорее избавиться от всученного мне предмета. Разжала руку и уронила его.

На пол упала подвеска из дымчато-серого камня.

И тут я вспомнила, что уже видела нечто подобное. Фиона Берк имела обыкновение носить на своей длинной тонкой шее цепочку с камнем, очень похожим на этот.

Во сне у меня не было возможности понять, что к чему, но когда я проснулась от звука маминного голоса, возвестившего, что пицца готова, мне понадобилось всего мгновение, чтобы связать концы с концами и понять, при чем здесь она.

Была я. Была Эбби Синклер. А теперь была еще и девушка, которую я в последний раз видела, когда мне было восемь. Фиона Берк, моя соседка, убежала из дома в семнадцать лет.

ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК

ФИОНА БЕРК

КАТЕГОРИЯ ДЕЛА: Побег. Возможна угроза для жизни

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 17 июня 1987 года

ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ: 13 ноября 2004 года

ВОЗРАСТ: 25 лет

ПОЛ: Женский

РАСА: Азиатская

ВОЛОСЫ: Черные

ГЛАЗА: Карие

РОСТ: 5 футов 3 дюйма (1 м 60 см)

ВЕС: 125 фунтов (57 кг)

ПРОПАЛА ИЗ: Пайнклиффа, штат Нью-Йорк, США

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ: На фото справа размещен фоторобот, показывающий, как Фиона могла бы выглядеть в двадцать пять лет. Последний раз ее видели 13 ноября 2004 года. Волосы у нее были покрашены в красный цвет. От природы они у нее черные.

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ КАКИЕ-ЛИБО СВЕДЕНИЯ О НЕЙ, ПОЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Отделение полиции Пайнклиффа (штат Нью-Йорк) 1-845-555-1100

11

Оглядываясь назад, я припоминаю, что были предзнаменования. Они появлялись постоянно – скажем, мне было восемь, когда мама оставила меня на попечение девушки, живущей рядом с нами. Эта девушка велела мне стоять тихо, прижав лицо к желтым обоям, не оборачиваться и не смотреть по сторонам. Стоять у стенки в моей пижамке с пони, пока она будет готовиться к тому, чтобы навсегда убежать из города.

Так я впервые столкнулась с человеком, который впоследствии исчез.

Фиона Берк была дочерью семейной пары, жившей в большом доме по соседству. Они удочерили ее в младенчестве, взяв из приюта для сирот в Китае. Мне неизвестно, как ее звали до того, как Берки оформили удочерение и привезли малышку в долину Гудзона, где они жили в маленьком городке под названием Пайнклифф, штат Нью-Йорк. Даже сейчас выходцы из Азии составляют всего 1,34 процента от общего числа здешних жителей. Фиона Берк, похоже, была одной из очень немногих азиатских детей в школе, и я не знала никого, кроме нее, имевшего приемных родителей.

Не имею ни малейшего представления, какими были Берки до того, как у них появилась Фиона, когда они скромно и замкнуто жили за своими кружевными занавесками и, по всей вероятности, подыскивали, кого бы удочерить. Они были пожилой парой, более старой, чем любая другая пара, воспитывающая девочку-подростка, и единственная причина, по которой мы были знакомы с ними, заключалась в том, что мы арендовали у них дом. Он был маленьким и отгороженным от их гораздо большего дома подстриженной живой изгородью. Они называли домик флигелем и не разрешали нам с мамой покрасить его, потому что хотели, чтобы он был белым, как и их огромный дом. Скорее всего, много лет тому назад наш домик служил гаражом.

Иными словами, Берки были нашими хозяевами; каждый месяц, третьего или четвертого числа – никогда первого, никогда вовремя – мама посылала меня к их роскошному переднему крыльцу, с тем чтобы я позвонила в дверь и отдала им конверт с денежным чеком.

Вот только Берки не подходили к двери. Я звонила, и прежде чем звон стихал, Фиона открывала ее, словно поджидала меня прямо под ней и пользовалась моим визитом для того, чтобы впустить в дом немного свежего воздуха.

Она открывала дверь, видела, что это всего лишь я, и ее лицо становилось недовольным. Она протягивала руку, я отдавала ей конверт, и меня спрашивали: «Это от Тамары?»

И я отвечала: «Да, это от моей мамы».

Фиона Берк никогда не проявляла гостеприимства – никогда не приглашала меня войти; никогда не благодарила. Но она хотя бы не была вредной. Просто, глядя поверх моей головы на дорогу, клала конверт с чеком на полку, и ее лицо искажала гримаса боли. А потом она закрывала дверь.

Она была на девять лет старше меня и, как мне казалось, всегда жила в этом доме с Берками. Она принадлежала Пайнклиффу, нашему маленькому городишке, расположенному в тени горного хребта, на склоне холма с железнодорожной станцией у подножья. Она казалась здесь гораздо более уместной, чем я.

Когда мы проводили какое-то время наедине друг с другом, скажем, она делала одолжение моей маме и соглашалась присмотреть за мной в течение нескольких часов за небольшую плату, то была тихой, спокойной, сидела на краю тахты у телевизора и исподтишка звонила по телефону. Но в последний год перед ее исчезновением, примерно когда ей исполнилось семнадцать, что-то изменилось. Я знаю это, потому что мама сказала: «Не принимай это на свой счет, солнышко, ей теперь семнадцать, а в этом возрасте все девушки становятся такими».

Но правда ли это?

Мне показалось, что Фиона Берк изменилась очень быстро. Другим стал ее взгляд, а в голосе появился холод. Все стало другим. Она полюбила дразнить меня, говорила, что может в любое время выселить нас с мамой. Все, что для этого требуется – так это сочинить какую-нибудь несуразную ложь о нашей небольшой семье, и меня тут же выкинут на улицу. Нам придется жить в картонной коробке и попрошайничать на железнодорожной станции, говорила она. И, возможно, тогда мама решит, что я для нее непосильная обуза, и продаст какому-нибудь бизнесмену с поезда, идущего на Пенсильванский вокзал в Нью-Йорке, и кто знает, что потом со мной станется.

Когда она сказала это впервые, я заплакала, и она стала получать удовольствие, то и дело повторяя свои слова. Конечно, как я теперь понимаю, она не имела возможности выселить нас по собственной воле, но тогда я верила, что это ей по силам.

Фиона Берк, девушка, которая иногда выступала как моя нянька и долгое время была моей соседкой, выглядела на фотографии, которую родители предоставили для объявления об ее исчезновении, словно сама невинность. На этой фотографии у нее ровные прямые зубы и еще более прямые волосы, пока еще не крашенные. Пуговицы на рубашке застегнуты до самого верха, в ушах жемчужные сережки. Она сидит со сложенными руками на стуле и улыбается непорочной улыбкой. Цепочка ее любимой подвески плотно облегает шею, и благодаря вспышке студийной камеры кулон кажется очень миленьким, а не грубым и грязным.

На этой фотографии она такая, какой они хотели ее видеть. Здесь ей еще не было семнадцати. Позже она обнаружила совершенно другую свою сторону и явила ее во всей красе в тот вечер, когда мы были вместе в последний раз.

Родители Фионы Берк видели одно, а весь мир – совсем другое.

Когда она исчезла, то, помню, в программе новостей показали фотографию, и у меня не было причин сомневаться в том, что ее ищут. Но шли годы, а она все не возвращалась, и плакаты об ее исчезновении исчезли с досок объявлений, их сменили постеры о гаражных распродажах, поиске попутчиков и сдаче комнат. О Фионе забыли и перестали о ней спрашивать.

Она затерялась там, куда попадают пропавшие дети, которых не находят даже после того, как обшарят озера и прочешут леса. Их фотографии состаривают при помощи специальных программ. Дома они так и не объявляются.

Она не звонила. И не писала.

Она просто пропала.

И, думаю, я бы забыла о ней, как и остальные жители городка, если бы она не явилась мне во сне и не попыталась отдать камень, так похожий на сломанное украшение, найденное мной в овраге-канаве рядом с Дорсетт-роуд. Я не сомневалась, что это имеет какое-то значение, и только оставшись одна после того, как мы с мамой съели пиццу и я уклонилась от ответов на вопросы о Джеми, заперлась у себя в комнате и достала его оттуда, куда сразу по возвращении домой спрятала – в завернутый в свитер носок, засунутый в нижний ящик шкафа. И только тогда я позволила себе вспомнить.

12

Фиона Берк исчезла холодной ноябрьской ночью. Ее родители уехали на выходные в Мериленд, так что в ее распоряжении оказался весь дом, и было ясно, что она хотела – планировала – воспользоваться этим. Но тут моя мама спросила у ее родителей, может ли она присмотреть за мной, и они ответили «да», не согласовав это с Фионой. Подозреваю, что в результате моя невольная няня не пришла на назначенную встречу, что делала уже не раз, а мое внезапное появление в доме хозяев оказалось неожиданным сюрпризом – как для Фионы, так и для меня самой. Потому что в отсутствие родителей она хотела убежать из дома, а я стала препятствием для этого.

Мама тогда не работала в школе. У нее не было должности в университете штата и даже сертификата, позволяющего занимать такую должность. И потому она работала по ночам – танцевала в клубе на другой стороне реки.

Хочу сказать, что совершенно ясно помню, какой была Фиона Берк в ту ночь, когда показала моей маме средний палец за спиной и пообещала позаботиться обо мне. Вижу, как она опустошает шкатулку с драгоценностями собственной матери и исследует карманы отца, шарит в поисках брошек, которые можно отдать в заклад, и затерявшихся «золотых» карт.

Она была яркой штучкой. Волосы ярко-красные. Рот – темная полоса, покрытая блеском, который выглядел влажным еще долгое время после того, как высохал.

Вот что я помню:

Фиона Берк стоит на площадке винтовой лестницы, опершись о перила, и смотрит на пол далеко внизу. Ее всклокоченные огненные волосы с отросшими черными корнями свисают вниз, словно спутанные побеги, и сквозь них она вопит, чтобы я поднялась и помогла ей.

Я понимала, что она действительно убегает из дома, а не просто болтает языком. В нескольких набитых сумках, стоявших наверху, лежали вещи, которые она решила взять с собой. Не успела я приготовиться, а она уже начала перекидывать через перила одну сумку за другой.

Каждая из них падала с высоты на выложенный плиткой пол с таким устрашающим звуком, будто это был самоубийца. Как только обстановка слегка разрядилась, я оттащила сумки в сторону.

Она наклонилась, чтобы сбросить последнюю сумку, и странная, дымчатая подвеска, которую она всегда носила, зацепилась за перила. Она дернулась, желая освободиться, и швырнула сумку вниз. И, думаю, в тот самый момент черный шнурок, обвивавший ее горло, порвался, и подвеска соскользнула с него и тоже упала.

Она промелькнула передо мной, и хотя летела быстро, потому что это был настоящий камень, а не какая-нибудь пластмасса, в моей памяти запечатлелось, как подвеска все падает, и падает, и падает. Я стояла внизу, посреди холла, под сверкающей люстрой, а затем стала собирать сумки в кучу. И смотрела вверх. Мне бы посторониться, но я так и стояла, возведя глаза, а некий темный предмет летел прямо в меня.

Я, должно быть, успела закрыть голову руками и увернуться, потому что подвеска всего лишь ударила меня по плечу, оставив на нем рубец, превратившийся позже в шрам. А потом упала на пол блестящей стороной вверх.

Возвращаясь назад в надежно, казалось бы, забытое прошлое, я вспоминаю, что камень был серым, как дым, и поблескивал на свету, создавая обманчивое впечатление, будто он очень красив. Помню также, что не успела толком рассмотреть его – Фиона Берк, спустившись по лестнице, вырвала подвеску из моих рук. Засунула в маленький кармашек джинсов и забрала с собой.

Потому-то я и знаю, что подвеска была с ней, когда она убежала. А теперь, спустя более восьми лет после ее исчезновения, каким бы невероятным это ни казалось, ее «визитная карточка» лежит на моей увеличившейся в размерах ладони.

13

После столь отчетливого явления мне во сне Фионы Берк я принялась за свою маму. Я хотела расспросить ее о Фионе так, чтобы вопросы не казались заранее отрепетированными, узнать, слышала ли она о девушке за все эти годы хоть что-то. Вполне могло случиться, что Фиона Берк благополучно перевалила за двадцать лет и живет в очень хорошем доме где-то далеко отсюда, например, в Северной Дакоте, и приобретает какую-нибудь очаровательную профессию, например, ветеринара. Мама подняла голову от учебника по психологии.

– Ты сказала – Фиона Берк? – рассеянно переспросила она, зевая и отмечая что-то маркером. – Я сто лет ничего о ней не слышала. – Она отбросила волосы с шеи и потянулась, и когда сделала это, стая птиц у ее уха словно поднялась в воздух. Зеленые гроздья винограда, обвивающие предплечья, пришли в движение, и я, зачарованная, смотрела, как они поворачиваются в разные стороны, и изучала все детали этого процесса, пока мама не опустила руки, рукава не упали и не закрыли от меня столь бесподобное зрелище.

Наша кошка Билли – названная так в честь Билли Холидея – забралась на спинку дивана. Длинная серая шерсть делала ее еще больше, чем она была на самом деле; зеленые глаза смотрели на меня с опаской. Она жила у нас почти со времени исчезновения Фионы.

– Да, – сказала я маме. – Я тоже не вспоминала о ней целую вечность.

И тогда она задала простой вопрос. Она спросила: а что?

С самого детства я рассказывала маме обо всем – такие у нас с ней были отношения. Начинала рассказывать, прежде чем она начинала спрашивать. В тринадцать лет я призналась ей, что выкурила сигарету, и больше никогда этого не делала. И как только мы с Джеми сблизились настолько, что наши отношения перешли на достаточно серьезный уровень, я поведала об этом маме, и она записала меня на прием в центр планирования семьи.

Вот как обстоят дела, когда есть только ты и твоя мама. Ты совершенно уверена, что никто не способен вмешаться в ваши отношения. У мамы было тату на левой руке – два черных дрозда на завязанном узлом дереве; она сделала его для нас с ней, когда я родилась. «Мы на этом дереве вместе», – любила говорить она.

Кто-то дышал в гостиной одним с нами воздухом, и это чувствовала только я. Может, Эбби нашептывала что-то через щели в стенах. Или это были голоса новых девушек, о которых я ничего не знала и потому к ним не прислушивалась. Была ли это сама Фиона Берк, слоняющаяся по дому и напоминающая мне, что все еще может прогнать нас прочь?

Я знала: что-то – кто-то? – не хочет, чтобы я говорила маме о сне. Я буквально слышала, как этот кто-то выдыхает такие вот команды:

Не говори ей. Не говори ей о том, что тебе приснилось.

Я знала, что не должна ставить ее в известность о сорванном с телефонного столба объявлении об исчезновении Эбби или же о летнем лагере, откуда она пропала. А также о Люке Кастро, которого выследила и собиралась навестить. И об адресе бабушки и дедушки Эбби в Орэндж-Террасе, штат Нью-Джерси. О том, что набросала карту пути к ним от самой нашей двери. О подвеске, которую теперь носила на длинном шнурке под рубашками и которая всегда была теплой, странно теплой на моей голой коже.

Я не должна была рассказывать маме обо всем этом.

Я говорила осторожно, словно кто-то следил за мной из тени.

– Не знаю, – начала я. – Я... Просто всплыло вдруг в памяти. Случайно. Без какой-либо причины. – И подумала, а слышали ли о ней хоть что-нибудь мистер и миссис Берк? Да или нет?

Мама поднялась на ноги и теперь стояла, потирая татуировки на кистях рук, будто могла стереть их, и тогда ее кожа стала бы новой и свежей. Она всегда делала так, нервничая и пытаясь найти слова для чего-то важного.

Она приблизилась к окну, тому, что выходило на изгородь между нашим домом и домом Берков. Вечер был светлым и тихим, словно поджидающая жертву ловушка. Билли потерлась о мамины ноги и попыталась выглянуть из окна самостоятельно, хотя была слишком коротка для этого и немного толстовата, чтобы подпрыгнуть.

Естественно, я предположила, что мама собирается сообщить, что Фиона Берк мертва. Но она лишь подтвердила то, что я уже знала: Фиона Берк убежала, и никто ничего о ней не знает.

Дом Берков стоял темный, наверно, они уехали – а может, действительно уехали, как некогда поступила их дочь, – но мама внимательно изучила его окна, словно надеялась увидеть в одном из них свет.

– Все это так печально, – сказала она, поворачиваясь ко мне. – До сих пор, после всех этих лет, я не знаю, как говорить с мистером и миссис Берк.

– Я тоже, – отозвалась я.

– Я могла бы помочь ей, – продолжила мама. – Фионе. Я что-нибудь предприняла бы, если бы знала о ее планах.

Я видела, как мама вбирает в себя то, что случилось с жившей по соседству девушкой, вплетая этот узелок в клубок узелков, которые иногда принималась перебирать. Она хотела стать психологом в университете, где работала. У нее уйдут годы на то, чтобы получить диплом – на свою зарплату она могла позволить себе изучать только пару предметов за семестр и делала это по вечерам, поскольку днем работала в администрации, но я верила, что у нее все получится. Я верила, что она будет помогать людям.

И все же не думаю, что она смогла бы помочь Фионе Берк.

– Вы с ней были близки, – сказала мама.

– Нет, не были. Я едва знала ее.

– В этом не было твоей вины, сама понимаешь. Как ни старайся доказать обратное.

Она думала о том вечере, когда Фиона Берк уехала, я тоже, и это были воспоминания девятилетней давности, колючие, как шерсть.

– Да, я не виновата, – кивнула я.

Фиона Берк сидела со мной тем вечером, это факт. Ее родители не приехали, и моя мама была единственным человеком, который видел меня сразу после ее бегства, и она никогда не выговаривала мне за то, что я позволила девушке сесть в грузовик, хотя бы потому, что она ничего о нем не знала.

Кроме того, я все равно не смогла бы остановить Фиону Берк, сказала я себе. Она наблюдала за дорогой достаточно долго. И после того, как приняла решение уехать, заставить ее изменить его стало невозможно.

Так что тут не было ничьей вины. Я ничего не могла сделать.

Вдруг мне в голову пришла одна идея, простая и витающая в воздухе, словно клочки шерсти линяющей Билли. Что, если все это, начиная с поломки фургона, благодаря которой я увидела объявление о пропаже Эбби, произошло ради того, чтобы я могла что-то для кого-то сделать. Например, для Эбби. Помочь ей. Найти ее.

Мама рассеянно коснулась левой щеки, словно знала точное место, где у ее губ находится родинка – отчетливое круглое пятнышко, такое черное, что кажется почти что синим. Она сделала это ногтем, будто родинка чесалась.

Пятнышко не было татуировкой, она с ним родилась. Вот почему оно было моим самым любимым местом на ее теле.

Именно тогда Билли зашипела – так, будто в комнату кто-то вошел и видеть вошедших могла только она. А потом, когда мама вернулась к своим занятиям, я тоже увидела их – слившиеся поблескивающие силуэты у меня в гостиной, хотя было очевидно, что они не имеют

никакого понятия о том, что это моя комната, и не замечают меня, или нас, или даже нашу мебель: ведь стояли они на том самом месте, которое уже было занято диваном.

Почувствовав, что я таращусь в никуда, мама подняла глаза.

– Что? – спросила она. – Все еще думаешь о Фионе?

– Нет, – ответила я. Мои глаза уперлись не в Фиону, а в девушку рядом с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.